

A man with a beard and a woman with blonde hair are standing back-to-back in a modern interior. The man is on the left, wearing a dark suit, looking out a large window. The woman is on the right, wearing a light-colored top, looking towards the camera. The background shows a bright, airy room with a large window and a framed picture on the wall.

Арина
Арская

855

РАЗВОД

ТЫ МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕ ЛЮБИШЬ

Арина Арская

Развод в 55. Ты меня больше не любишь

<https://litres.ru/74294273>

Аннотация

— Твой отец мне изменяет, — признаюсь молчаливой дочери, нервно подергивая кулончик на шее. — У него другая женщина. Такое терпеть я не буду.

— А ты и не будешь терпеть, — устало вздыхает мой муж Владимир, развалившись в кресле. Закидывает ногу на ногу, — сегодня же соберут твои вещи и отвезут в наш летний дом.

Я оборачиваюсь. Слезы ручьями текут по моему лицу, и Володя поднимает на меня насмешливый взгляд:

— А ты чего ждала?

— Пап, ты не можешь оставить маму, — возмущенно шепчет наша дочь Злата, — вы в своем уме... Вам же не по двадцать лет... Это же смешно!

— Кстати, может, мама у тебя поживет? — Владимир переводит на нее холодный взгляд. — Присмотришь за ней?

В 55 лет многие уже задумываются о пенсии, а нас с мужем ждет некрасивый развод, против которого выступают наши взрослые дети. Они считают, что в таком возрасте мне

стоит проявить мудрость, заткнуться и терпеть. Может быть, они правы?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: книга сложная. Без прощения и примирения главных героев. Книга-Исключение среди всех моих книг с изменами и разводами. Не надо начинать её читать с привычными ожиданиями от книг с изменами. История жестокая и реалистичная в плане супружеских отношений

Содержание

Глава 1. Проваливай!	6
Глава 2. Да как же так?	10
Глава 3. Зря ты так	14
Глава 4. Ничего святого	18
Глава 5. Наша мама чудит	22
Глава 6. Ты не можешь так поступить	26
Глава 7. Бесплезная старуха	30
Глава 8. Тебя это оскорбляет?	35
Глава 9. Когда?	40
Глава 10. Тянешь время	45
Глава 11. Спасибо тебе, жена	50
Глава 12. Я соскучилась	55
Глава 13. Гори в аду	59
Глава 14. Есть дела поважнее	64
Глава 15. Он же мог умереть	68
Глава 16. Не понимаю	72
Глава 17. Причина жить	76
Глава 18. Проклинаю	80
Глава 19. В душе - тьма	85
Глава 20. Годами	89
Глава 21. Что ты ему скажешь?	94
Глава 22. Так нельзя	99
Глава 23. Не любит	104

Глава 24. Ничего	110
Глава 25. Все равно	115
Глава 26. Помню	120
Глава 27. Метаморфозы души	127
Глава 28. Подумай о себе	132
Глава 29. Терпела	136
Глава 30. Я их боль	141
Глава 31. Он здесь	148
Глава 32. Здравствуй, Лара	152
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Глава 1. Проваливай!

— Кто это?! — кидаю стопку фотографий перед моим мужем Владимиром.

Он поднимает беглый раздраженный взгляд на меня, а затем смотрит на снимки, которые веером рассыпались по журнальному столику.

На фотографиях — он и эффектная женщина лет тридцати с копной густых черных волос. Таких обычно называют русскими итальянками: жгучие красотки с яркими чертами лица, большими черными глазами и резким изгибом бровей.

— Это Зоя, — невозмутимо отвечает мой муж и пристально смотрит на меня.

Ни тени стыда за то, что на одних снимках он заходит с другой женщиной в отель, на других — танцует в ресторане, бесстыдно положив руку на ее округлый зад, а после жадно целует.

Так жадно, как не целовал меня уже, наверное, около трех лет. А, может, больше. Сейчас меня награждают либо чмоком в щеку-висок, либо просто касаются губ в быстром и небрежном поцелуе.

— Зоя? — переспрашиваю я.

Когда я зашла в гостиную фотографиями, то ожидала от Володи не равнодушного холода в глазах, а хотя бы искорки стыда, но он совершенно не удивлен и не растерян.

— Да, Зоя, — Владимир повторяет имя знойной красоти, — что ты так смотришь на меня? Ты же уже и так поняла, что это моя любовница, или это должен сказать я?

Его темно-карие, почти черные глаза, так и смотрят прямо и бесстыже, и почему-то теряюсь под этим взглядом, словно это я в чем-то провинилась.

Мой решительный настрой закатить скандал моментально улетучился, как только Владимир посмотрел на меня.

— У тебя есть любовница? — зачем-то переспрашиваю я в надежде, что я все же смогу пробудить в муже, с которым мы состоим в браке почти тридцать пять лет, стыд.

— Да, — Владимир откладывает планшет, в котором он минуту назад что-то внимательно изучал, — Лара, милая, ты меня отвлекаешь, и я бы предпочел, чтобы ты мне заварила чайку, а бросала вот так резко и грубо фотографии, которые мне мало чем интересны.

— Вова, на этих фотографиях...

— Я и Зоя, — он медленно и устало моргает, — эти фотографии сняты на прошлой неделе в понедельник четвертого, и в этот четверг. Ума не приложу, кто бы это мог быть, но... ты разве не знала?

— Что?

Теперь я не просто растеряна. Я обескуражена.

— Ты даже очаровательна, — вздыхает Владимир и вновь подхватывает планшет. Включает его и опять уходит в изучение каких-то цифр и диаграмм с текстовым пояснением.

— Да ты совсем охамел!

Под вспышкой гнева и выбиваю планшет из рук мужа. Он падает на ковер с тихим, но зловещим стуком.

— Ты так сделала в первый и последний раз, — меня пронзает черный и злой на грани ненависти взгляд. Говорит сквозь зубы. — Я такое не терплю.

И я даже пугаюсь его тона, потому что в нем так много тихой и холодной угрозы, что впечатлила бы и отъявленного головореза.

Так с любимой женой не разговаривают.

— Я обязательно выясню, кто прислал тебе эти фотографии и кто решил, что имеет право тебя беспокоить, — проговаривает тихо, но четко, — теперь собери эти фотографии и выкины.

— Ты... — я даже не знаю, что ему сказать в ответ, потому что я действительно ждала от него другой реакции, — да как ты смеешь сейчас сидеть и делать вид, что все в порядке вещей?!

— Ты надеешься на скандал? — надменно приподнимает бровь. — Его не будет. Поэтому предлагаю тебе успокоиться.

— Проваливай!

— С чего вдруг? Это мой дом, — Владимир вальяжно откидывается назад. — И если ты не заметила, то я был занят. Скоро начнутся торги на бирже, и тебе важно именно сейчас устроить скандал.

— Ты мне изменяешь! — мой крики походит на рев ра-

неного зверя.

После этого я бью пяткой по планшету, экран которого идет мелкими трещинами и неприятно хурстит.

— Ты тут не останешься! Проваливай к своей шлюхе!

— Начнем с того, что Зоя сейчас в командировке, — Владимир массирует переносицу, — и, как я уже сказал, я никуда не уйду.

После он со вздохом встает и шагает мимо меня:

— Я буду в кабинете, раз ты тут мне мешаешь.

Вот это наглость. Я смотрю в широкую спину Владимира с открытым ртом. Разве так можно?

— Тогда я уйду! — предпринимаю последнюю попытку с глупой женской угрозой в надежде, что хоть после нее Володя мной вступит в диалог со мной. — Тогда я тут не останусь!

— Боже, Лара, тебе же не пятнадцать, — тяжело и с осуждением вздыхает Владимир. — не устраивай истерики.

Глава 2. Да как же так?

Истериками моего мужа не проймешь. Мои слезы и крики для него, как слону дробина, и пока он занят торгами на бирже, он никак не среагирует на мои «капризы». Сейчас он решил, что отслеживание ставок, роста или падение цен на драгоценные металлы важнее его жены с криками о любви, и меня это оскорбляет, словно сильная презрительная оплеуха.

Золото и платина важнее чем тридцать пять лет брака с женщиной, которая родила ему двух сыновей и дочь.

— Да как же так? — задаю сама себе тихий вопрос и приглаживаю волосы дрожащей рукой.

На несколько секунд я выпадаю из реальности. Мозг будто выключается, как старенький компьютер при перегреве процессора.

Стою посреди гостиной, прижав к голове ладонь и отрешенно смотрю перед собой, пытаюсь вновь осознать происходящее.

Медленно перевожу взгляд на рассыпанные на журнальном столике фотографии, и горло вновь схватывает спазм ужаса и обиды.

Владимир на этих фотографиях счастлив, а в его глазах — нежность и восхищение, и его Зоя отвечает ему влюбленными взглядами и сладкими улыбками.

Я должна признать, что снимки вышли очень красивыми: фотографу получилось поймать атмосферу интимности и скоротечности встречи, в которой два любовника наслаждаются друг друга.

Запретно, сладко и отчаянно: никто не одобрит эту связь, но ни у кого нет сил противиться этому притяжению, которое рушит жизни и стирает запреты.

— Боже мой... — выдыхаю я и меня ведет в сторону под слабостью.

Я отступаю к креслу, когда в глазах начинает расплываться комната. Вновь под пяткой хрустит экран планшета, и я понимаю, что медленно оседаю на пол. Поднимается тошнота, перед глазами расцветают черные мушки и у желудка тянет болью.

Я непротив сейчас умереть.

Я не вынесу того, что могу в пятьдесят пять остаться разведенкой и жалостливых взглядов от родственников, которые с удовольствием обсудят наш с Владимиром. Обсо-сут его, посмеются за спиной и устроят мне бомбардировку звонками, чтобы выяснить новые подробности.

Чужие разводы — это всегда интересно, особенно после стольких лет брака.

Поэтому я предпочту смерть.

На моих похоронах никто не посмеет злорадствовать и сплетничать за чашечкой кофе с ехидными улыбочками:

— Конечно, Ларочка запустила себя, а Володя же мужик.

— Да дура она. Зачем такой скандал подняла? Могла бы все вывернуть в свою пользу.

— Она никогда умом и сообразительностью не отличалась. И что Володя нашел в ней? Всегда удивлялась.

Но сердце, пропустив пару ударов, вновь отбивает свой ровный и слабый ритм, а взгляд проясняется. Какая жалкая картина: немолодая женщина сидит на полу в одиночестве рядом с разбитым планшетом и разбросанными фотографиями, на которых ее муж влюбленно смотрит на молодую яркую красавицу.

И самое обидное, что я никогда не была такой жгучей соблазнительницей, как новая любовь Владимира, и даже в молодости у меня не вышло бы конкурировать с ней за внимание моего мужа.

Но в молодости он меня любил и смотрел так же, как на Зою.

Я с трудом поднимаюсь и прижимаю ладонь ко лбу, пытаюсь с глубокими вдохами и выдохами, но я получаю обратный эффект.

Меня накрывает новая волна паники и отчаяния, и я совершенно не знаю, что делать. Бежать, будто я капризный подросток, глупо. В конце концов, это мой дом, и после побега мне все равно придется возвращаться и вести диалог с Владимиром.

Развод не происходит по щелчку пальцев.

— Господи, — меня продолжает трясти, как старуху в

сильном треморе. — Да как же так...

Я зачем-то оглядываюсь на двери гостиной, будто в надежде, что сейчас ко мне придут на помощь, но ничего не происходит.

Я одна этого не вынесу, и раз Владимир отказывается со мной разговаривать, потому что ему важнее торги, то я потребую помощи у наших детей, а то я сойду с ума.

Они приведут меня в чувство и встанут на мою защиту, и его измена касается не только меня, но и всей нашей семьи.

Нахожу телефон в спальне, а после, крепко его стискивая, решительно шагаю к кабинету Владимира.

Без стука захожу.

— Ларочка, — Владимир прижимает пальцы к переносице, а второй рукой захлопывает ноутбук. — Ты, как обычно, начхала на мои слова, да?

— Я позвоню нашим детям, — чеканю каждый слог четко и громко, — пусть и они знают.

Глава 3. Зря ты так

— Я звоню детям! — повторяю я Владимиру, который убирает руку с лица и откидывается на спинку кресла.

Я не знаю, на что рассчитываю, но я хочу этого самодовольного мерзавца расшевелить. Для наших детей его измены тоже станут очень неприятным сюрпризом, и вряд ли он захочет сейчас скандала с ними.

— Тебе все же очень хочется устроить скандал на весь мир, да? — Владимир усмехается.

— А ты хочешь выйти сухим из воды?

Владимир вздыхает, будто перед ним не жена стоит, а какая-нибудь нерадивая дурочка-стажерка, которая принесла его компании серьезные убытки.

— Выкини эти фотографии и живем, как жили, — пожимает плечами. — Ничего не изменилось.

— Ты серьезно? — обескураженно моргаю и потом резко поднимаю голос до крика, — все изменилось! Или ты считаешь, что я все это проглочу, закрою глаза и сделаю вид, что ничего не знаю?

— Я тебе предлагаю самый логичный и приемлемый вариант, — Владимир смотрит на меня с ленивым раздражением, — я тоже недоволен тем, что тебе прислали эти фотографии.

— Недоволен? — в шоке переспрашиваю я.

Кивает, и воцаряется гнетущее молчание, в котором я не

найду ответов на свои вопросы почему и за что?

— Тебе надо успокоиться, Лара, и все обдумать, — Владимир разминает шею, — нашему браку уже столько лет, что... лошадей, как говорится, на переправе не меняют.

Я открываю рот. Я для Владимира не любимая жена, а лошадь, с которой надо уже дойти до финишной прямой, пусть и надоела до тошноты.

Теперь у меня нет вопросов, почему он все чаще и чаще засыпал то на диване в гостиной, то уходил в одну из гостевых комнат под предлогом, что не хотел меня будить посреди ночи.

— Кстати, теперь можно поднять вопрос о отдельных спальнях, да? — он холодно улыбается, — теперь ты вряд ли будешь против.

— Я не останусь с тобой в браке...

— Уговаривать тебя я не стану, — Владимир тяжело и разочарованно вздыхает. — Это все-таки больше в твоих интересах сохранить наш брак.

Я недоуменно моргаю.

— Разве нет? — Владимир немного клонит голову набок. — Сейчас ты на эмоциях, но должна же понимать, что развод для женщины в таком возрасте... сомнительное мероприятие.

Теперь до меня доходит, что имеет в виду мой дорогой муженек. Он не стесняется говорить вслух то, о чем каждый подумает, когда узнает о нашем разводе.

О том, что я старая дура и что я могла бы закрыть глаза на похождения мужа, потому что у меня уже нет шансов на новую семью, в которой можно спокойно дожить свой век.

Одинокие женщины и в тридцать вызывают много вопросов и косых взглядов, а в пятьдесят пять... точно покруют у виска.

— То есть... — я делаю несколько шагов к столу Владимира, — ты якобы... — я пытаюсь подобрать слова, которые я никак не могу поймать из-за гнева и обиды, — ты якобы после всего этого пытаешься выступить в роли благодетеля?

— У меня к тебе простой и несложный вопрос, — Владимир медленно встает, опершись руками о подлокотники массивного кожаного кресла.

Обходит стол и останавливается в шаге от меня. Насмешливый, немного раздраженный и невероятно высокомерный.

Он чувствует в этом разговоре свое превосходство. Никакой вины. Никакого сожаления. Никакого стыда.

Конечно, у него после развода будет свобода и ему больше не придется скрывать свои отношения с Зоей, а я... я пятидесятилетняя тетка, у которой впереди только старость, потому что я после такого предательства не смогу верить мужчинам, да и где эти мужчины?

В нашем возрасте часть из них лежат в могилах, другие женаты, к третьим, кто свободен в таких летах, очень большие вопросы.

— Ты сейчас кричишь о разводе, чтобы просто поисте-

рить? — Владимир внимательно и цепко разглядывает мое лицо. — Если так, то, может, тебя в какой-нибудь санаторий нервишки подлечить? В отпуск с внуками слетай.

— Да как ты смеешь...

— То есть ты серьезно настроена на скандал?

Я вместо ответа отмахиваюсь от его руки, которая хочет смахнуть с моего лба локон волос.

— Я тебя понял, — усмехается, — раз ты отказываешься быть сдержанной, то и я не вижу в этом смысла.

Неторопливо шагает к двери кабинета, а я трясущимися пальцами касаюсь экрана смартфона:

— Пусть наши дети...

— Зря ты так, Лара, — награждает меня очередным утомленным вздохом и выходит из кабинета, — но будь по-твоему.

Глава 4. Ничего святого

— Мам, что-то важное? — голос Юры напряжен и раздражен.

— Милый, я... — не знаю какие слова подобрать, чтобы сказать сейчас старшему сыну об изменах отца, — ты бы не мог приехать?

Такие новости по телефону не говорят.

— Мам, я сейчас занят, — торопливо отзывается Юра, и я слышу на стороне приглушенные неразборчивые голоса, — у меня сейчас встреча с инвесторами.

— Но...

— Мам, я перезвоню. Я заеду вечером, — раздражение в тембре Юры становится ярче и острее, — Все, мне надо идти.

Сбрасывает звонок, и я еще несколько секунд вслушиваюсь в равнодушные гудки, которые обжигают мое сердце сильной и жгучей обидой.

Моему сыну важнее инвесторы.

Да, я понимаю, что у него сейчас в фирме непростые времена и что ему нельзя сбегать со встреч с потенциальными партнерами, но все равно обидно, как бы я себя ни убеждала сейчас что у сына своя жизнь и свои проблемы.

Прикусываю кончик языка до сильной отрезвляющей боли, смахиваю слезы с щек и сажусь на подлокотник кожного

дивана.

Кидаю взгляд на пустое кресло за дубовым столом, будто за ним так и сидит мой бессовестный и неверный муж.

Медленный вдох и выдох, и мой указательный палец замирает в миллиметре над экраном смартфона. Над именем среднего сына Александра. Вдруг он тоже раздраженно отмахнется от меня, как от надоедливой мухи, но мне сейчас так нужны мои дети, что я перебарываю липкий материнский страх быть отвергнутой.

Я касаюсь контакта Александра и подношу телефон к уху, закусив губы. Рука дрожит, и вновь на глазах выступают слезы.

Идут гудки, а потом через долгое ожидание они обрываются. Александр не берет трубку. Возможно, телефон не под рукой. Или на беззвучном стоит, а, может, дома забы, но мое воображение рисует, ко Саша с уставшим вздохом смотрит на экран, на котором высвечивается мое имя, и откладывает телефон.

Потому что сейчас не хочет слышать меня.

Потому что есть дела поважнее, чем мама.

Зажмуриваюсь и бью себя по лбу торцом смартфона:

— Никому я не нужна...

— Не драматизируй, — в кабинет возвращается Владимир и вновь садится за стол, на который деловито закидывает ноги.

Покачивается в кресле:

— Кофемашина сломалась.

Его слова подобные презрительной пощечине. Красивая молодая любовница — полная ерунда, а сломанная кофемашина — это проблема, которая его серьезно озадачила.

— Надо вызвать мастера, — Владимир откидывает голову назад. — Лара, я тебя понял. Ты хочешь развод. Поэтому ты бы не могла, наконец, оставить меня?

Я игнорирую его тихие и грозные слова и вновь прижимаю палец к экрану смартфона, выбрав из списка контактов нашу младшую дочь.

Несколько долгих гудков, и я хочу уже сбросить звонок, но слышу в динамике голос Златы:

— Да, мам?

Я теряюсь на секунду.

Владимир приоткрывает глаза и лениво косится на меня. Под его ресницами пробегает тень недовольства:

— Все-таки ты решила и детей втянуть, — громко цыкает он. — Разочаровываешь, Лара.

— Мам, что ты молчишь?

— Милая, ты бы не могла приехать?

— Блин, мам, — вздыхает Злата. — Мне Юрка написал, что ты ему звонила, и попросил, что если есть время...

— А у тебя есть время?

— Мне надо Катку закинуть к логопеду... — отвечает немного нетерпеливо и рассерженно, — и знаешь, может, стоило сразу мне позвонить? А то ты, как обычно, Юрке и

Сашке звонишь, а потом, так уж и быть, мне.

— Злата... я... — я в замешательстве не могу найти, что ответить, — не придумывай... я хотела вас всех сегодня увидеть...

— Ой, мам, прекрати, — фыркает Злата, — ладно, ты все равно не поймешь меня. Я к вам заеду на минут десять. Мне все равно в вашу сторону на маникюр.

И бросает трубку, а я сижу с открытым ртом.

Вот уж я не думала, когда мечтала о детях, что когда они вырастут, потеряют ко мне трепет и нежность. Общение со мной стало в тягость. Стало повинностью, которую наши с Владимиром дети перекидывают друг на друга.

— Что? — Володя в издевке приподнимает бровь. — Едут наши птенчики на разборки с плохим папулей?

— Какой же ты... — я встаю и оправляю юбку, — ничего святого...

— Я все же предлагаю тебе включить мозги, Лара, — с угрозой усмехается. — Я с тобой очень терпелив. Мы как никак тридцать пять лет вместе, но ты можешь перейти из категории моей жены, с которой давно нет общих тем для разговоров, в категорию немолодой истеричной бабенки, с которой никто не будет цацкаться.

Глава 5. Наша мама чудит

— Куда ты дел фотографии? — интересуюсь я, когда в гостиную с книгой заходит Владимир.

Он проходит мимо и падает в кресло. Выуживает из кармана рубашки очки в тонкой оправе и, как обычно, закидывает ноги на журнальный столик.

Перевожу взгляд на настенные часы.

Четыре часа дня.

Невесело усмехаюсь.

Он не изменяет своим привычкам: у него сейчас время на чтение, на которое он выделяет обычно около часа.

Нам светит развод, семейный скандал, осуждение со стороны родственников и сплетни среди друзей, а Владимиру клал на все это большой и толстый.

У него час на чтение.

— Выкинул, — раскрывает книгу и надевает на нос очки. Смотрит на меня исподлобья. — или стоило сохранить в семейный архив.

Усмехается и опускает взгляд на страницу книги:

— Хотя, вероятно, фотографии Зои с такими темпами точно появятся в нашем семейном архиве.

— Что?

— Не прикидывайся дурой, — цыкает, — я человек семейный, и после нашего развода не стану сопли жевать и спи-

ваться.

У меня брови ползут на лоб.

— На Зоечке женишься?

— А почему бы и да, — его взгляд медленно скользит по строчкам. — Знаешь, а я-то дурак говорил ей, что не в моем возрасте разводиться, ведь я несу за тебя ответственность.

— Да кем ты себя возомнил? — я в шоке не могу даже моргнуть.

— Мужчиной, который трезво смотрит на этот мир, — его взгляд перескакивает на другую страницу.

Это он сейчас опять говорит мне о том, что я никчемная старуха, которая без мужа может ползти в сторону кладбища? А, может, мне уйти в монастырь?

Хотя... неплохая-то идея.

Вздрагиваю, когда до меня доносится крик дочери:

— Это я! Кстати, — хлопает дверью. — У вас на лужайке слева от ворот проплешина! И еще куст розалий, похоже, сдохнет! Садовник явно сачкует!

Затем следует усталый вздох.

— Наш садовник в отпуске, — Владимир переворачивает страницу, — у него мама заболела. Что-то серьезное, но я тоже думаю, что надо нового садовника искать. Что-то меня утомили его проблемы.

Я начинаю паниковать.

Златка все-таки приехала, и я внезапно понимаю, что если решусь сейчас рассказать дочери об изменах отца, то я

обязательно пожалею.

Мой муж не тот человек, который открыто и громко кидается угрозами. Он живет свою жизнь спокойно и размеренно, а его недруги или те, кто посмел кинуть ему вызов, оказываются в очень затруднительных ситуациях.

И то, что он сейчас сидит и читает книгу, явное предупреждение для меня: не надо устраивать скандал. Отступи, Лара, заткнись и живи дальше так, как жили, а иначе... я не знаю, чего ждать от Владимира после того, как он завел любовницу.

Мужчина, который смеет встречаться с другой женщиной и который позволил себе после стольких лет отвернуться от любящей жены, может пойти на любую жестокую подлость, потому что нет в нем уже любви.

Правда жизни такова, что мужчина добра и нежен лишь с той, кого любит, а с той, к кому нет светлых чувств, он беспощаден.

Нет ничего страшнее мужского равнодушия.

— Мам? — вновь подает голос Злата. — Ты дома? Чего молчишь?

Я в панике кидаюсь к окну и встаю к Владимиру спиной. Я, кажется, сейчас опять расплачусь. Как больно быть обманутой в пятьдесят пять лет.

Еще лет десять назад я бы восприняла все иначе, а сейчас я боюсь того, что могу остаться одна.

— Мама наша немного чудит сегодня, — холодно отзы-

вается Владимир. — Магнитные бури, что ли. А, может, вспышки на солнце... Или что там еще может быть? Ретроградный Меркурий?

Я хватаюсь за круглый золотой кулончик, который я купила себе пару лет назад в отпуске.

Так хорошо было тогда. Жара, солнце и щедрый муж, который с улыбкой тратил деньги на любимую меня.

— Что опять случилось? — в гостиную заходит Златка. — Вижу, все живые, все с руками и ногами. Никто не умирает, — делает паузу, чтобы намекнуть нам, что она зря приехала, — мам, что ты молчишь?

Закрываю глаза. Ни одна женщина в мире не должна испытывать то, что творится с моим сердцем сейчас.

Я отдала Володе молодость, здоровье, любовь, всю себя, но стоило ему встретить молодую и красивую, так моя роль в его жизни обесценилась.

— Мам, у меня не так много времени, — голос Златы натянутый и рассерженный, — если тебе стало просто скучно, то я, пожалуй, пойду. Напишу Юрке, чтобы не парился.

— Твой отец... — едва слышно отвечаю я. Сердце сейчас разорвется. — Твой отец... Твой отец мне... изменяет...

Глава 6. Ты не можешь так поступить

Злата то ли не расслышала, то ли не поняла, что я пробубнила под нос. Она недоуменно молчит.

Владимир спускает ноги с журнального столика и с хрустом разминает шею. Это медленное движение. Он не думал, что я все же раскрою карты его некрасивой и отвратительной интрижки с другой женщиной.

— Твой отец мне изменяет, — четко выговаривая каждый слог, признаюсь молчаливой дочери, нервно подергивая кулончик на шее. — У него другая женщина. Такое терпеть я не буду.

Сказала, и сердце сжалось, потому что я сама себе подписала приговор. Я после развода останусь одинокой дурой, которая не смогла проявить женскую хитрость, а мой муж выиграет: он может со спокойной душой жениться на молодой и жгучей красавице.

Кто-нибудь, если узнает, что я сама настояла на разводе, скажет, что я дура. Что я, как женщина, не должна была вот так просто отпускать мужа на сладкую свободу. После тридцати пяти лет брака надо быть не гордой и обиженной, а мудрой и здравомыслящей.

— А ты и не будешь терпеть, — устало вздыхает Вла-

димир, непринужденно развалившись в кресле. Закидывает ногу на ногу, — сегодня же соберут твои вещи и отвезут в наш летний дом.

Я оборачиваюсь. Слезы ручьями текут по моему лицу, и Володя поднимает на меня насмешливый взгляд:

— А ты чего ждала?

Он же говорил, что я зря начинаю воду мутить и пилить ему мозги. Все логично: если я за развод, то и терпеть меня с моими слезами и оскорблениями рядом он не будет.

— Пап, ты не можешь оставить маму, — возмущенно шепчет наша дочь Злата, — вы в своем уме... Вам же не по двадцать лет... Это же смешно!

— Кстати, может, мама у тебя поживет? — Владимир переводит на нее холодный взгляд. — Присмотришь за ней?

Злата что-то не кидается на мою защиту. Резко затихла и побледнела.

— Пап, ты не можешь так поступить!

— Как? — откладывает книгу. — Я сказал твоей матери, чтобы она прекратила истерику и что я лично не рассматривал наш развод. Я с тобой согласен, доча, — хмыкает, — нам не по двадцать лет, и твою маму не моя любовница должна волновать, а ее проблемы коленями, например. Или ее проблемы по женской части.

— Прекрати немедленно, — шепчу я.

— Но она твердо уверена, что надо разводиться, — Владимир игнорирует меня, — хорошо. Я принимаю ее решение

и даже согласен, что надо расходиться. Так жить, как мы живем, не стоит, — смеется, — твоя мама открыла мне глаза.

— Пап, — Злата хмурится.

— Да, сейчас не ты должна быть в этом доме, — Владимир вновь смотрит на меня. — Ты же просто невыносимая баба, Лара, стала.

Я дергаю кулончик слишком сильно, и тонкая золотая цепочка рвется. Была любимой женщиной, а стала невыносимой бабой, от которой хотели уже давно избавиться, но совесть не позволяла.

Он же меня жалел. Кому я теперь в такие годы-то нужна, кроме него? Детям? Нет. У них свои семьи, свои скандалы, свои истерики и свои проблемы.

— И я не могу понять, чего ты сейчас так на меня смотришь, Лара? — Владимир приглаживает волосы и поправляет ворот рубашки. — Я тебе сразу сказал, что я не буду потакать тебе в твоих капризах.

Раздраженно встает и шагает прочь:

— Злата, мамины слезы — это теперь твоя забота, — резким и злым движением снимает очки с носа и прячет в карман рубашки, — заberi ее, пока ее вещи соберут и не перевезут в наш летний дом.

Не нужна.

С моим отказом смириться с другой женщиной, он понял, что он зря столько времени был со мной, а не с той, на которую он так влюбленно смотрит на фотографиях.

— Мне надо это обсудить с Виталиком...

Виталик — это наш зятек, и я думаю, что он будет не в восторге от того, что в его дом заявится теща.

— Твоей матери надо же где-то прорыдаться, — Владимир насмешливо оглядывается. — Прийти в себя.

— А, может, пусть ваши любимчик Юра и Саша разгребают ваши проблемы, м? — Злата резко, в одно мгновение, меняется в лице и напряженно посмеивается. — В конце концов, ты же им, — смотрит на меня с ревнивой издевкой, — сначала позвонила, да?

— Злата... — я опять теряюсь от ревнивых претензий дочери, которая решила, что у меня, как у матери, есть любимчики. — Не говори глупостей... Я тебя люблю...

— Я умываю руки, ясно? — хлопает себя по бедрам. — У меня своих проблем по горло.

— И почему я не удивлен, — хмыкает Владимир и выходит из гостиной.

Злата, выдыхая через нос, хмурится на меня. Вероятно, я ошиблась в своих ожиданиях. Я не должна была вызывать детей в надежде, что они помогут разрулить конфликт с мужем.

— Мам, — наконец, говорит Злата, — давай-ка ты мозги уже включишь?

Глава 7. Бесполезная старуха

— Где папа? — Юра заглядывает на кухню.

Явился не запыхавшись.

Делаю глоток чая. Руки так и дрожат.

Наша горничная, которую срочно вызвал Владимир, собирает мои вещи в коробки на втором этаже.

— Папа в кабинете.

Юре тридцать пять. Наш первенец, наша гордость и наша головная боль. Он очень похож на отца. Смотрю на него, и вижу Владимира, которому тоже когда-то было тридцать пять.

Отставляю чашку и прикрываю лицо ладонью.

Теперь тридцать пять нашему старшему сыну. Уму непостижимо.

Вот я была молодой красавицей, которая держит крошечного малыша на руках и плачет от счастья, затем я моргнула и оказалась теткой, которая плачет от тоски по прошлому и обиды.

— Мам, какого черта вы творите? — заявляет Юра. — Какой развод? Или Златка решила надо мной подшутить?

— Обычный развод, — тихо отвечаю я и торопливо прижимаю к уголкам глаз мятую салфетку. — У твоего отца...

— Другая женщина, — зло перебивает меня Юра и ослабляет галстук. — Да, мне Златка сказала. Кто она?

— Какая-то Зоя.

Я даже замираю в ожидании поддержки от старшего сына, к которому вставала ночами, пела колыбельные и прочищала носик от соплей, когда он болел, но он лишь хмурится.

— Так, — он напряженно потирает лоб и садится за стол передо мной, — и что ты сопلي распустила?

Шокировано убираю руку с лица и приподнимаю брови. Я не ослышалась? Передо мной сидит молодая копия моего мужа. Только изгиб бровей чуток другой. Брови у Юры от меня. Ну, хоть что-то я передала нашему сыну.

— Сопли распустила? — повторяю я слова Юры, прозрачно намекая, что ему не стоит сейчас так выражаться.

В моей женской жизни, в которой я была любимой женой, случилась настоящая трагедия, и никто этого, похоже, не понимает. Я чувствую себя сумасшедшей.

— Да, мам, ты не ослышалась, — снимает галстук через голову и растегивает пару пуговиц под воротом. — Не распускай сопли.

После замолкает и смотрит на меня с такой вселенской усталостью, будто он несколько ночей подряд разгружал грузовики.

— Твой отец мне изменяет, — громко говорю я на грани новых слез.

— Господи, да вам, похоже, просто скучно живется, — Юра недовольно кривится. — Вот и устраиваете бразильские страсти. Ну, что ты так завелась, мам?

А, может, я действительно умом тронулась и правда чего-то не догоняю в этой жизни? Если так, то надо послушать, что сын скажет. Он же у меня всегда был умненьким и смышленным пацаном.

Я даже откладываю влажную от слез салфетку в сторону и приосаниваюсь, чтобы серьезно внимать мудрым словам сына.

— Поясни, пожалуйста, свою позицию.

Юра откидывает на спинку стула и постукивает по столу костяшками пальцев. Меня начинает пугать его схожесть с Владимиром, а раньше я умилялась, что сыночка наш весь в папочку.

Ничего милого и трогательного.

Какова вероятность, что я родила такого же эгоиста, как и мой муж.

— Дай ему погулять, — цыкает Юра, — его же надолго не хватит. Ты же должна понимать.

У меня от слов, что Владимира надолго не хватит, охватывает холодный озноб.

— Взбрыкнул, — Юра пожимает плечами, — успокоится. Надо просто успокоиться, мам. Он в итоге останется с тобой, но сейчас... бес в ребро?

Я оскорбленно молчу. Мой сын — смотрит на всю эту ситуацию, как эгоистичный мужчина, и он не поймет меня.

— Я не буду терпеть и ждать...

— Ты даже можешь все это провернуть в свою пользу, ма-

ма! — Юра повышает голос. — он тебе новые цаки купит, шубку подкинёт, в отпуск отправит! Господи, — бьет по столу, — для чего тебе этот развод. Что он тебе даст?

Поджимаю губы.

— Надежды на нового принца на коне уже надежды нет, — усмехается.

— Замечательно, опять все свелось к тому, что я старая бабка! — уязвленно рявкаю я и подскакиваю. — Ничего нового не придумал?! Что-то твоему отцу не мешает возраст кадрить молодуху!

— Он мужчина, мам, — Юра и не думает пристыженно отводить взгляд. — У него есть деньги, власть, статус.

Меня начинает трясти, потому что на правду сына мне нечего ответить. Он прав. Богатые мужчины в пятьдесят пять не останутся без женского внимания, потому что ценность мужика не в молодости и гладком лице, а в ресурсности, а Владимир у нас очень ресурсный мужичок.

Я, правда, отдам его молодухе? Она же, вероятно, и приложила руку к тому, чтобы мне сегодня прислали фотографии в белом конверте, потому что снимки были красивые и даже эстетичные, будто их выбирала женщина.

— И чисто биологически, мам, — Юра решает добить меня, — папа еще может без проблем стать отцом, а женщина в таком возрасте...

— Замолчи... — сглатываю ком слез и по плечам бегут липкие холодные мурашки. — Биологию сюда не приплетай.

— Но это не мной все так задумано, — Юра продолжает буравить меня острым взглядом, — а природой.

— Значит, я и для тебя бесполезная старуха? — сдавленно говорю я.

— Для меня ты мама, с которой я должен быть честен, как мужчина, — Юра даже не моргает. — Сюсю-мусю не про меня. Ты должна понимать, в какой ситуации оказалась, мам. И пока ты можешь с отцом договориться, то стоит это сделать. Может, у вас и нет любви, но не надо отказываться от обязательств.

— Юр, это ты приехал? — долетает до нас грозный голос Владимира.

— Вытер матери слезки? — шаги Владимира приближаются.

— Не надо сейчас дурить, мам, — Юра понижает голос до предостерегающего тона, — уж ты-то должна знать своего мужа. Я пойду сейчас переговорю и с ним.

— Скажешь, чтобы он пожалел старую никчемную мать?

Глава 8. Тебя это оскорбляет?

Я чувствую раздражение. У меня провалилась сделка, дома беснуется жена с сыном-подростком, которого в школе поймали со складным ножом, а родители решили устроить развод.

— Пап, — выхожу в гостиную, в которой меня ждет мрачный отец.

Стоит под люстрой у журнального столика, скрестив руки. Вскидывает бровь:

— Чего?

Понимаю, что не станет он меня слушать, какие бы я доводы ни привел, и не я сейчас должен его уговаривать одуматься, а мать.

Но у нее же обида выиграла. Она и раньше не особо отличалась спокойствием и холодным здравомыслием, а сейчас так тем более будет махать шашкой до самого конца.

— Я уже спрашивал у Златки, но спрошу и у тебя. Маму к себе заберешь? На время, пока не успокоится?

Мне бы сейчас со своей женой найти общий язык и вспомнить, какого черта я женился, а не проблемы матери и отца решать.

Не зря говорят, что родители с возрастом становятся как дети.

— Так-то я ее хочу в летний домик отправить, — падает

в кресло и сжеживает зевок в кулак. — пусть на свежем воздухе перебесится.

Смотрю на отца, и меня накрывает какое-то липкое бессилие. Неужели и меня с моей женой Аленой ждет то же самое?

— Хотя у тебя-то самого времени не будет за мамкой следить, — усмехается. — А Аленка твоя вряд ли будет рада нянькаться с твоей мамой, да?

Да, я дома почти не бываю. Сейчас у меня не самый простой период в бизнесе, который держится только благодаря дотациям отца.

— Пап, не в вашем возрасте разводится.

— Знаешь, я тоже так думал, — недовольно кривится, — но... что-то после криков твоей матери, ее слез я понял, что надо разбегаться.

Пожимает плечами и тяжело вздыхает, выдерживая паузу, которая говорит мне, что отец принял твердое решение и его не переубедить.

— Я ничего не почувствовал, — папа хмыкает и не отводит от меня взгляда, — ничего. Мне все равно. И вот это ничего длится уже очень давно. Ты знаешь, как мы спим с твоей матерью?

— Господи, папа, избавь меня от подробностей! — повышаю я голос.

— Да если бы эти подробности были! — он мне тоже отвечает на повышенных тонах. — Мы спим, как покойники,

на спине и сложив руки на груди, а между нами расстояние почти в метр. Вот для чего мы покупали такую огромную кровать. Чтобы мы друг друга не касались. У нас два одеяла!

Смеется и закидывает ногу на ногу, а у меня от его смеха холодок по спине пробегает. Он любил маму, и я помню, с каким взглядом он смотрел на нее, когда я был ребенком и подростком, а сейчас я в нем не чувствую той теплоты, которая в нем раньше была.

— Со мной в кровати должна спать другая женщина, — решительно заявляет отец.

Может, он просто устал, как я? У меня сейчас тоже мало желания обнимать жену во сне, целовать ее и нюхать ее волосы, хотя раньше сходил с ума от ее сладкого запаха.

Сейчас подташнивает.

— Что ты так смотришь, Юра, — скалит зубы в улыбке, — жалко маму, то вперед, сына, никто не запрещает никому из вас маму взять на ручки и побыть рядом.

У него и ко мне нет той отцовской любви, с которой он воспитывал и растил меня, и самое страшное, что я и к своему сыну начинаю испытывать все чаще и чаще раздражение, потому что он выжирает все силы и нервы.

— Пап, ты понимаешь, что это просто неприлично...

— Возможно, как ты и сказал, маме надо перебесится, но и тебе тоже надо... остыть, — стараюсь говорить аккуратно, чтобы отец не вспылil. — Остыть, пока мама отдохнет...

— Отдохнет? — слышу за спиной рассерженный голос ма-

тери. — Какая прелесть!

Улавливаю в ее возмущении знакомые нотки, которые меня выбешивают при скандалах с женой.

— Мам, не лезь, — грубо отвечаю я, потому что я за секунду захожусь неприязнью, как бывает и в ссорах с женой.

— Ах ну да! — всплеснув руками, заявляет она. — Я должна, как бессловесная овца, просто заткнуться и ждать, когда вы решите мою судьбу! Вот она твоя сыновья любовь? Для чего все это было, — теперь она обращается к отцу, который даже не смотрит на нее, — для чего все это было?

Я вдруг четко понимаю, что у меня тоже начинает свербить желание потребовать у жены развода. Я не хочу возвращаться домой. Не хочу слышать ее истеричные вопли, которые я узнал в претензиях матери к отцу.

Любовь умирает. У моего отца она уже давно сдохла, сгнила, высохла и развеялась по ветру, и я, кажется, иду по его пути.

— Когда... — спрашиваю, — как долго... — не могу сформулировать свой вопрос.

— Как долго у него другая женщина? — ко мне на помощь спешит мама. — А хороший вопрос. Мне тоже это интересно.

— Около года, — честно отвечает отец и, наконец, переводит взгляд на маму, — и ты либо сейчас прикидываешься дуручкой, Лара, либо ты она и есть.

— Как ты смеешь оскорблять меня при сыне?!

— Я тебя этот год даже в губы не целовал, — отец невесело усмехается, — вот это тебя должно было оскорбить, — его верхняя губа резко дергается, как в нервном тике, — и твои вещи почти собрали. Даже те твои глупые статуэтки слонов. Как же они меня раздражали.

Глава 9. Когда?

Я думала, что моя семья — это тихая гавань, но она оказалась высохшей лужей. И нет между нами с Владимиром и с детьми крепкой связи и теплых эмоций. Все отделились, все озабочены только своими проблемами и никому не хочется тратить силы на маму, которую нагло и подло предали.

Пожалеть?

Посочувствовать?

Накинуться на отца?

Нет!

Обвинить во всем маму! Это она тупая старая курица, раз не может стерпеть бессовестную оплеуху от неверного отца.

Подумаешь, изменяет. Заткнись и перетерпи. Никто не станет вместе с тобой кричать и проклинать отца.

— А, может, быть это тебе свалить в летний дом? — громко заявляю я.

— Нет, — тихо и строго отвечает Владимир. — Это ты хотела переехать из этого дома, потому что... как ты там сказала? Тебе хотелось сменить обстановку. Вот и сменишь. А я люблю этот дом, в который я много сил вложил. Это мое гнездо, а ты лети, птичка.

Усмехается, довольный тем, что припомнил мне недавний скандал о том, что я хочу переехать в другой район, потому что этот дом начал меня угнетать.

Я думала, что если мы переедем, то мы освежим нашу жизнь, которая будто замедлилась, но Владимир наотрез отказался от моей идеи, и все вылилось в громкие крики и слезы.

— Еще раз повторяю, Лара, — Владимир смотрит на меня исподлобья, — я люблю этот дом, и я останусь в нем. Ты от него отказалась, — переводить взгляд на Юру, — она же и тебе тогда звонила, да? Просила, чтобы ты поговорил со мной насчет продажи дома и переезда?

— Прекрати...

— Довольно! — Владимир неожиданно поднимает на меня голос до разъяренного баса и встает.

— Пап... остынь...

— Я тебя предупреждал, чтобы ты не втравливала хотя бы в этот скандал наших детей?! — делает ко мне шаг. — Я тебе говорил, что не надо этого делать?! Ничего, мать твою, тебя не волновало до этих самых фотографий. Все тебя устраивало, кроме этого дома!

— Пап, — Юра пытается вмешаться.

— Решай проблемы в своей семье! — Владимир разворачивается к нашему сыну. — Тебе не пора домой? Тебя же самого дома ждет истеричка!

Владимир напряженно хмурится, и у него дергается верхняя губа, а я недоуменно прижимаю ладонь к груди. У Юры проблемы в семье?

— И мой отцовский тебе совет, — Владимир смеется, —

не жди, что будет легче и что нужно якобы подождать. Что жена твоя успокоится. Нет! — гаркает. — Не успокоится! С каждым днем будет все хуже и хуже!

В глазах сына пробегает темная тень, но это не злость. Он понимает, о чем ему говорит сейчас Владимир.

— Признайся, что тебе куда интереснее слушать родительскую грызню, чем спешить домой к любимой женушке?

— Это не твое дело, папа.

— Так и это все, — агрессивно раскидывает руки, — тогда не твое дело, сына! Не твое! Но знай, Юра, — бьет себя по груди, — я единственный, кто не осудит тебя за развод! И скажу, что не надо ждать. Не надо терпеть. Не надо молчать в надежде, что все будет как прежде! Не будет!

— А мне до твоего одобрения или осуждения...

— Как и мне! — Владимир повышает голос. — Не надо со мной вести беседы! Не надо мне советовать остыть! Я решил, — резко переходит на спокойный тон и закатывает рукава рубашки, — твоя мама больше тут не живет, и этот убогодочный летний домик я тоже купил лишь из-за ее очередных капризов, лишь бы прекратила жрать мне мозги. Летний, — насмешливо тянет, — домик.

И опять мне нечего сказать в свою защиту. Этот летний дом был моей попыткой схитрить: я бы упрашивала Владимира приезжать в летний дом сначала на несколько дней, потом неделю, на месяц. Медленно и верно я бы подвела его к тому, что мы, по сути, уже и не живем в нашем доме, и мой

муж бы по моему наитию принял решение, что, да, можно переезжать.

Но он, похоже, раскусил меня, и ему это не понравилось, и сейчас он, по сути, наказывает меня ссылкой в летний дом, в котором теперь я буду жить.

Я исполню все твои капризы, моя дорогая.

— Когда ты в первый раз задумался о разводе? — задает тихий и решительный вопрос Юра.

Он спрашивает отца, как мужчина, который больше не хочет возвращаться домой. Который больше не хочет видеть жену. Которому надоели скандалы и которого уже тошнит от вечных женских претензий, в которых он слышит лишь презрение, а не попытки добиться искреннего разговора и стремление вновь сблизиться.

— О, твоя мама очень обидится моему ответу, — Владимир распрямляет плечи и прячет руки в карманы. — Очень обидится.

— Но вы же разводитесь, и у тебя другая женщина, — сдавленно отвечает Юра. — Говори. Хуже уже не будет. Будет.

Мужикам не понять. Я не хочу знать, что Владимир задумывался о разводе со мной уже давно.

— Когда тебе было пятнадцать, а Сашке десять, — Владимир отвечает мрачно и твердо.

— А Златке восемь, — шепчу я, ни живая, ни мертвая. У меня опять начинает все плыть перед глазами.

— Да, — вновь смотрит на меня, — тогда впервые я подумал о разводе, но... — переводит взгляд на Юру, — но маленькие дети, а я же приличный человек. Разве я имею право на развод?

Глава 10. Тянешь время

— Обалдеть, — охаю я. Руки трясутся. — А что же ты не развелся...

— Дети маленькие, — Владимир шагает прочь, закатывая рукав выше. — А потом как-то привык, что ли, — оглядывается, — были ведь и хорошие моменты, и периодически я вспоминал, что женился-то я по любви, и старался, Лара, а сейчас... нет причин стараться.

Я думала, что оказалась у дна, когда увидела фотографии, на которых мой муж нежно обнимает молодую брюнетку, но я ошибалась.

Я на дне барахтаюсь уже двадцать лет, но я об этом узнаю только сейчас. Со мной хотели развестись еще двадцать лет назад, когда я думала, что у нас все стабильно и крепко.

— То есть... ты ради нас остался тогда в семье? — подает голос Юра, растерянный и задумчивый.

— Знаешь, милый мой, — я вскидываюсь на сына, — если хочешь развестись, то разводишься сейчас, когда у твоей жены есть еще молодость, здоровье и шанс на другого мужчину.

— Ты жалеешь, что тогда не развелся? — Юра игнорирует меня и мое женское возмущение.

Как бы повернулась моя жизнь, если бы тогда, когда мне было тридцать пять, Владимир все же принял решение развестись?

— Не привык жалеть о своих решениях, — Владимир пожимает плечами. — Ты мне pomoжeшь перенести вещи мамы в машину?

Другого я и не ожидала от него услышать. Он такой человек, что даже о плохом решении, которое становится причиной проблем, не сокрушается.

“Если я так решил, то это было правильным”, — это его девиз по жизни.

— Двадцать лет... Ты украл у меня двадцать лет...

— Перестань, — отмахивается от меня и выходит из гостиной, — ты эти двадцать лет прекрасно жила и подружкам хвасталась, как у тебя все замечательно в семье. Ты бы могла и дальше так жить, но ты решила поскандальить, а у меня уже терпелки на тебя не хватает.

Юра переводит на меня внимательный взгляд, от которого у меня мурашки между лопаток.

— Мам...

— Я от тебя ждала защиты, — цежу я сквозь зубы, пытаюсь спрятать за агрессией свой страх и растерянность.

— Ты, правда, ни разу за эти двадцать лет не поняла, что он... он хочет уйти... что ему с тобой... душно? — говорит тихо и сдавленно. — Что он тебя терпит ради детей.

— Не смей мне говорить подобного! — взвизгиваю я в отчаянии и делаю шаг к сыну, чтобы его толкнуть. — Еще и от тебя слушать гадости?

Для любой женщины, молодой или пожилой, услышать

слова о том, что ее терпели ради детей, больно.

— Я лишь хочу понять! — повышает на меня голос.

— Или хочешь меня обвинить?

— Тебя ведь реально возмутило лишь наличие другой женщины, — смотрит на меня с мужским разочарованием.
— И ведь ты о ней даже не сама догадалась.

Вот теперь я согласна с Владимиром. Зря я решила позвать на защиту детей в надежде, что хотя бы они встанут на мою защиту.

Я слышу, как Владимир спускается со второго этаж. Выхожу из гостиной в холл и с женским отчаянием, которое вновь бьет по глазам едкими слезами, наблюдаю, как мой любимый муж деловито несет коробку к входной двери.

— Не подумала и не почувствовала? — спрашивает Юрий.

Я оглядываюсь и сжимаю челюсти до тихого скрипа. Нет, не почувствовала, потому что решила, что мы пришли к возрасту такому, что нам не до нежностей и страстных ночей, в которых рассвет наступает слишком быстро.

Да и боже мой! После тридцати пяти лет брака не постельные утехы — главное! И почему сейчас все вертится и крутится вокруг сношений и грязных случаев, в которых женщина обязана мужика ублажать со всех сторон?

Что это за массовое помешательство?!

Ладно у молодых играют гормоны, кровь кипит, но мужик, у которого с каждым новым днем растет риск инфарк-

та и инсультов, туда же! И полез к кому! К молодой красоте, которая ему точно в дочери годится. Она явно не старше Юры.

— Как можно не почувствовать, мам? — Юра хмурится на меня.

— Когда женщинам удобно, то они, как те обезьянки, с закрытыми глазками сидят, — Владимир подходит к входной двери и зовет одну из наших горничных, — Света! Дверь открой!

К нему торопливо бежит вниз по лестнице Света, низенькая и полная женщина с веснушчатым лицом. В мою сторону не смотрит.

— Я с тобой не из-за удобства жила, — тихо отвечаю я. голос дрожит. — Я любила тебя...

— Это уже неважно, — разворачивается в мою сторону с коробкой.

Чужой, холодный и равнодушный. Я для него, действительно, в последнее время была лишь ответственностью, к которой он не чувствовал ничего кроме раздражения. И я его освободила.

Он не будет страдать из-за нашего развода, скучать по прошлому и по нашим чувствам. Он за эти годы перегорел.

— Зачем ты тянешь время, Лара? — спрашивает Владимир.

Тем временем Света открывает двери перед ним и скромненько отступает в сторону, потупив глаза.

Ох, чую, что сегодня я и Владимир будем для слуг самой первой темой для обсуждения.

Что они скажут? На чью сторону встанут? Или для них я тоже буду дурой-истеричкой, которая зря довела мужика до того, что он выпинавает ее из дома?

Прижимаю пальцы к вискам, которые гулко и часто пульсируют.

— В любом случае, если не сама выйдешь и сядешь в машину, — перешагивает порог дома, — то попрошу охрану тобой заняться.

Глава 11. Спасибо тебе, жена

Стою на крыльце и не верю, что все это происходит со мной. В пятьдесят пять лет я не заслуживаю даже элементарного уважения со стороны мужа. Он уже третью коробку прячет в багажник своего уродливого черного внедорожника.

К нему семенит горничная Света и тащит за собой мой чемодан, с которым я три месяца летела в отпуск к белым берегам у лазурного моря. Владимир тогда был немного мрачен и молчалив, но он никогда не отличался веселым и задорным весельем, поэтому я не лезла к нему с расспросами.

А если бы полезла, то получила бы дежурный ответ:

— Все в порядке. Не трогай меня пока.

— Владимир, — Света подкатывает чемодан к моему мужу, — вот еще.

Он играючи подхватывает мой чемодан и заталкивает к коробкам.

Это же как я ему надоела, что он собственноручно загружает мои вещи в машину, будто наслаждается моментом.

Будто он ждал этого дня очень и очень давно, и, наконец, его мечта исполнилась.

— А если бы... если бы я, — спускаюсь по лестнице, — если бы я согласилась закрыть рот и сделала вид, что не было никаких фотографий, то ты бы еще прожил со мной двадцать

лет?

Горничная Света спешно ретируется в дом, потупив глаза и притворяясь, что ей все равно на наши с мужем дразги, но я замечаю, что под ресницами горит женское любопытство.

— Да, — Владимир выходит ко мне, шагает ко мне, после резко останавливается почти вплотную. — Я же привык к такому темпу жизни, Лара, — скалится в улыбке и наклоняется, — и это было бы правильно. Многие семьи после пятидесяти так живут, но... — убирает локон волос за мое ухо, вглядываясь в мое лицо, — спасибо тебе, что открыла мне сегодня глаза. Зачем сейчас оставаться вместе? Ради чего? У нас с тобой ничего нет.

— Ты не прав... — только это я могу вымолвить, а больше слов для опровержения гнева Владимира у меня нет.

Света тем временем с тихим и натужным пыхтением тащит очередную коробку. Когда замечает мой разъяренный взгляд, она сипит:

— Это ваш фотоархив.

— Фотографии заберешь с собой. Это ты у нас любишь сидеть часами рассматривать фотографии и печально вздыхать.

Забирает у Светы коробку, а я и пошевелиться не могу. Смотрю перед собой и чувствую себя жалкой дурой, которая не раз приставала к мужу с фотографиями, а ему все это было в тягость.

Я его раздражала, и особенно я его выводила из себя в

последний год, когда у него появилась другая, с которой он мог меня сравнивать.

Не такая молодая.

Не такая ласковая.

Не такая отзывчивая.

Ловлю себя на мысли, что я из-за своей истерики и гордыни, по сути, отдала моего мужа молодой и зубастой акуле.

Я позволю Владимиру воссоединиться со своей любовью и жить в нежности и уюте, когда я буду куковать в летнем доме в слезах и соплях.

Я его освободила.

Я его избавила от унылых вечеров, в которых ему было некомфортно и напряженно.

Я подарила ему развод. Я открыла ему двери в светлое будущее, где он расцветет мужской энергией и яркой страстью.

А я, правда, дура.

Я же могла согласиться на его условия и испоганить ему жизнь еще на лет десять или двадцать, а теперь новый семейный фотоархив начнется со снимков его новой любимой женщины.

Но я же гордая и глупая.

— Садись в машину, — грозно приказывает Владимир, пытаясь засунуть коробку в багажник к остальным. — На переднее. Задние места все забиты.

На крыльцо выходит Юра. Прячет руки в карманы и хмурится. Наблюдает и, наверное, примеряет наши с Владими-

ром роли на себя и свою жену, но у меня сейчас нет к нему сочувствия, потому что я вижу в нем тень молодого Владимира.

Я вижу в нем мужчину, которому надоел брак и жена. Надоели сложности, будто женщинам в семье легко и просто.

Будто мы всегда просыпаемся по утрам на подъеме и с восторгом бежим подтирать детские сопли, делать уроки и скандалить с подростками, от истерик и криков которых можно свихнуться.

Это несправедливо.

Почему именно мужики после пятидесяти начинают бунтовать против жен и своего возраста? Что это за общая программа в их головах, которая требует новых женщин в объятиях?

И почему вместе с этим жены становятся для них врагами? Столько претензий к женщинам, с которыми они жили десятилетиями!

Распустила себя. Постарела. Не даешь. Пилишь мозги. Много кричишь, скандалишь и далее по бесконечному списку, который не особо отличается у каждого из этих смелых и решительных мачо.

— Мой брак с тобой был ошибкой, — блекло и обессиленно отвечаю я.

Владимир игнорирует мой трагический пассаж о нашем браке. Он закрывает багажник, обходит машину и открывает передо мной переднюю боковую дверцу:

— Вперед, Лара.

Любить другую и жить с законной супругой — для мужчины это настоящее наказание, и Владимир в силу своего характера и упрямства принял бы его. Он же однажды решил, что останется в браке со мной и что несет за меня ответственность, как муж, но я сняла с него эти оковы.

Теперь он свободный мужик при бабках и при статусе. И не такой уж старый.

— Мы ничего не забыли? — оглядывается на Свету.

— Нет.

— Тебе так важно отвезти меня самом в летний дом? — горько интересуюсь я.

— Однажды я привез тебя в этот дом, — он вновь обращает на меня свой холодный и равнодушный взор, — а теперь и увезу.

Глава 12. Я соскучилась

Когда я успела стать женщиной-привычкой, и почему я этого не заметила? Медленно поворачиваю лицо к Владимиру, который лениво посматривает на светофор и постукивает пальцами по баранке руля.

Расслабленный и спокойный.

— Даже дышится легче, — заявляет он и поглаживает щеку.

Он реально ловит, как сказал бы наш старший внук, кайф оттого, что, наконец, избавился от старой и опостылевшей жены.

Я его таким умиротворенным давно не видела. Он всегда в каком-то постоянном напряжении, раздражении и с какой-то перекошенной рожей в кривую ухмылку. Я пыталась его отправить на расслабляющий массаж и подсовывала книжки о том, что важно себе разрешить отдых и релакс, а он огрызался на меня, чтобы я не лезла к нему со своими глупостями.

— И даже все равно, что ты сорвала мне торги, — низко смеется.

— Какая же ты сволочь, Вова, — сдавленно отзываюсь я, — нельзя так с женщиной, с которой прожил столько лет и которая тебе детей родила.

— Да любую схвати, — усмехается, — нарожает, — кидает на меня самодовольный взгляд, — не у тебя одной ро-

жалка выросла, Лара.

Медленно поворачивает руль вправо, меланхолично по-смастривая по сторонам:

— Я не понимаю, почему каждая из женщин решила, что она особенная? Что только она может рожать?

Мне нечего ответить на его вопросы, потому что логически он прав. Он бы мог жениться на другой девчонке, и она бы тоже родила от него детей. Да, рожалка не только у меня выросла, и надо сказать, что она какая-то бракованная оказалась, раз мои дети не встали на мою защиту.

Это так грустно.

— Когда я выходила за тебя замуж, то не думала, что ты меня однажды вот так отправишь на высылки, — горько усмехаюсь.

— Что было, то прошло, — тихо и отстраненно отвечает Владимир.

И опять он прав. Какой толк сейчас говорить о прошлом и о своих ожиданиях, когда я и Владимир за эти годы сильно изменились.

Я была воздушной, романтической девочкой, а прожитые годы придавили меня, и я очень давно не чувствовала того восторга, который искрил в моей молодости, а последние пять лет я почти разучилась смеяться.

Я оправдала все это смертью мамы. Меня тогда сильно ударило по голове, и я потеряла всякую связь с реальностью. Все заботы о похоронах взял на себя Владимир, ведь он сам

за год до этого потерял отца.

Смахиваю слезы и крепко зажмуриваюсь в попытке прогнать из головы образ мамы, которая почти перед самой смертью сказала:

— Тебе повезло с Володенькой. Береги его, Ларочка. Вот прям иди и сейчас поцелуй.

И я не помню, поцеловала ли я Владимира или нет. Разговор с мамой о том, какой он замечательный и прекрасный, я помню в деталях, а что было после — нет. Наверное, потому что ей резко поплохело, и из палаты к Владимиру меня вывели уже медсестры.

Смотрит ли сейчас моя мама с облаков на нас и до сих пор ли она считает, что Володенька — хороший мужик? Или уже поменяла свое мнение?

Хотя что-то мне подсказывает, она бы сейчас дала бы мне такой совет:

— Дай мужу в стороне отдохнуть, побыть в одиночестве, а когда вернется к тебе, то прими. Устал мужик, не видишь, что ли?

Образ мамы настолько реален, что мне кажется, что я ее ласково поучающий голос даже слышу, словно она сидит на заднем сидении.

Смартфон в держателе справа от руля вибрирует, и на экране высвечивается “Любимая” и фотография Зои: черно-волосая красавица с тонким аристократичным носом шлет воздушный поцелуй в камеру, прикрыв веки с длинными пу-

шистыми ресничками.

Какая же она красивая.

Мне даже обида и уязвленное женское эго не позволяет сказать, что она шмара страшная. Нет. Она красивая. Таких женщин снимают в кино, целуют руки при встрече и восхищенно вздыхают вслед.

Владимир хмурится на смартфон.

— А как я у тебя записана? — спрашиваю я.

— Жена, — равнодушно отвечает Владимир. — После развода переименую.

— И как же?

— Бывшая жена, — ровным тоном говорит Владимир.

Он тянет руку к телефону, но я его опережаю. Я принимаю звонок, но я хотела же сбросить, а после, вообще, перевожу на громкую связь, будто моей рукой кто-то другой завладел.

— Вова, — раздается мелодичный женский голос, — прости, я знаю, что ты сейчас дома и с женой, но... я соскучилась.

Глава 13. Гори в аду

— Вова? — обеспокоенно мурлыкает Зоя. — Алло?

— Я тут, — отвечает он и вздыхает, — и да я с женой.

Голос у Зоеньки — тихий ласковый и теплый. Ей бы работать в “секс по телефону”: уверена, что у нее было бы полно клиентов.

— Здравствуй, Зоя, — хмыкаю я холодно и надменно, а у самой слезы застряли в глотке, — не скажу, что рада тебя слышать...

— Я тебе перезвоню, — говорит Владимир на грани строгой нежности и сбрасывает звонок, а после мрачно замолкает.

Его нижняя челюсть выдвигается немного вперед, и это явный признак того, что Владимир в бешенстве.

Он зол на меня за мою наглость.

Я не должна была принимать звонок и вступать в диалог с его любовницей без его одобрения.

— Ты меня утомила, Лара, — наконец, говорит он, — ты вообще способна слушать и слышать меня?

Он крепко сжимает руль и мне кажется, что если я сейчас посмею ему еще хоть что-то сказать, то он вырвет этот самый руль и разнесет весь салон машины.

Теперь я вижу, что я его раздражаю настолько сильно, что ему неприятно рядом со мной сидеть.

Это унижительно.

Закрываю лицо холодными руками в попытке прийти в себя и немного протрезветь от женской растерянности.

— Когда ты успокоишься и будешь готова к адекватному диалогу без криков и слез, — Владимир смотрит на дорогу темным и злым взглядом, — будет встреча с адвокатами.

— Хватит меня называть истеричкой, — шепчу я.

В груди поднимается дикая ярость. Как же он со мной несправедлив сейчас. Я могу принять, что, возможно, он разлюбил, но почему он не хочет понимать, что у меня сейчас вся жизнь обратилась в руины.

Почему он не дает мне возможности выплеснуть свои эмоции и возмутиться тому, что он у меня украл лучшие годы жизни.

Терпел он!

Бессердечное чудовище.

Смотрю на него и чувствую, что у меня к нему не осталось ничего кроме ярости. Ни с одной женщиной так нельзя.

И не хочу я того, чтобы он после моих унижений обрел счастье, любовь и уютное гнездышко с прекрасной и очаровательной Зоей.

Он этого не заслуживает.

— Я ненавижу тебя, — цежу сквозь зубы, и в следующую секунду, не контролируя гнев, кидаюсь на Владимира с кулаками.

И мне все равно что он за рулем, и что я и своей шкурой

рискую.

— Мать твою, Лара! — Гаркает Владимир, который в первую секунду чуть не теряет управление, но резко поворачивает руль и съезжает с шоссе на обочину.

Визг шин, и через несколько секунд он уже выволакивает меня из машины с рыком:

— Стерва ты такая!

А затем я получаю пощечину, после которой меня встряхивают а плечи:

— Успокоилась!

Я вырываюсь. Толкаю его и пачусь, тяжело дыша, как раненый зверь, которого которого жестокий садист-охотник никак не добьет:

— Гори в аду...

Мимо проносятся машины, и мое проклятие шумом трассы почти не расслышать. Ветер треплет волосы.

Я верила в общую красивую старость. Я мечтала, как я и Владимир, старенькие и седые, путешествуем по миру, а на нас мечтательно смотрят молодые туристы и убеждаются, что и в девяносто есть место любви и романтики.

А мой муж меня этого лишил.

Владимир неожиданно бледнеет, отступает к машине и ныряет рукой под пиджак. Кривится, и его ведет в сторону, а глаза стекленеет.

Он хватается ртом воздух, вытаскивает из внутреннего кармана белую пластиковую баночку, которую роняет.

Хрипло матерится, пытается нагнуться, но у него выходит. Приваливается с хриплым выдохом к высокому капоту внедорожника и прижимает с рыком ладонь к груди.

Что происходит?

Он смотрит на меня исподлобья и бледнеет сильнее.

Он, что, словил сердечный приступ?

Делаю несколько шагов, поднимаю баночку, но этикетка и название мне ничего не говорит.

Я перевожу взгляд на Владимира.

— Это от сердца?

Он не отвечает, и лицо походит на восковую маску ярости и боли. Он оседает на гравий:

— Проклятье, — а затем падает.

Я должна вызвать скорую или накормить его таблетками, но я этого не делаю. Меня трясет.

Выкидываю бутылек с таблетками в траву, а Владимир так и смотрит на меня, привалившись к колесу машины. Сколько ненависти в его глазах.

Я выбираю быть вдовой.

— Вот же... гадина...

Он понимает, что я не помогу ему. И сквозь боль с угрозой ухмыляется. Я обхожу машину и сажусь за руль. Пристегиваюсь.

Выкидываю на асфальт телефон Владимира, и уезжаю. Кидаю беглый взгляд в зеркало заднего вида: Владимир падает на спину и замирает. У него троюродный брат полгода

назад в сорок пять умер от раннего сердечного приступа, поэтому я не удивляюсь произошедшему.

Смертность мужчин после пятидесяти возрастает с каждым годом в геометрической прогрессии.

— Гори в аду, — повторяю я, и по моим щекам катятся едкие соленые слезы.

Глава 14. Есть дела поважнее

Когда я приехала на место моей ссылки, меня уже ждал водитель, который отправился первым с большей частью моих пожитков, что запихали во вторую нашу семейную машину.

Он скромно поинтересовался, где мой муж, и я ответила, что мы поссорились, а после скрылась в доме, а дальше...

Что было дальше?

Я не помню и могу лишь логически предположить, что водитель, занес мои вещи в дом, а я, судя по всему, кое-как разобрала все эти коробки и пару больших чемоданов, пребывая в холодном шоке.

Вот очухиваюсь я в небольшой кухне в зловещих сумерках от тихой вибрации телефона на столе позади меня. В руках — фарфоровый чайник. Пустой.

Я не смогу ответить, какой сейчас год и день, но знаю одно — я оставила мужа умирать на обочине дороги.

Вибрация будто нарастает в гнетущей тишине, и я роняю чайник, который разлетается на белые осколки.

Я опять отключаюсь от реальности, и возвращаюсь в нее, когда слышу в трубке голос нашего второго сына Саши:

— Мам, папа в больнице.

Живой?

У меня во рту все мигом пересыхает. Я совсем не рада

тому, что слышу. Я испугана.

— Мам, ты меня слышишь?

Я должна бежать. Я вспоминаю его взгляд, когда он осел на гравий, и понимаю, что если он выйдет из больницы, я пожалею, что родилась на этот свет.

— Мам, он в реанимации, — продолжает Саша. — И... мам... какого черта?!

Он боится сказать вслух о том, что я бросила его отца умирать. Какой ребенок это примет? Поймет?

— Его готовят к операции, если тебе интересно, но... вряд ли, — зло проговаривает Саша. — Как ты могла?

— Мы поссорились, — тихо отвечаю я, не в силах даже моргнуть.

— Дай трубку, — слышу старшенького Юру, — мам, ты в своем уме? Ты что натворила?! Ты его оставила умирать?

Сглатываю. Мне кажется, что кухня размывается в черно-белые пятна, а позади будто притаилась тень Владимира, которая хрипло шепчет мне в область шеи:

— Я разочарован. Ты влипла, крошка.

Я была для него крошкой в юности, и когда он так меня называл, то я знала, что он не в духе.

Холодок по спине, будто Владимир действительно стоит за моей спиной и буравит взглядом мой затылок.

Я бросила его умирать, и он этого не простит.

— Приезжай в больницу немедленно, — цедит каждое слово по слогам мой сын, и я слышу в его голосе тембр его

отца. — Ты должна быть рядом, когда он очнется.

нет.

Не хочу я его видеть.

Меня начинает трясти, а пальцы стискивают телефон так сильно, что суставы болят от перенапряжения.

— Мама, — Юра медленно выдыхает и повторяет, — ты сейчас должна быть в больнице. Ты ведь это сама понимаешь.

Понимаю.

Я должна быть рядом с Владимиром, если он очнется, в знак своего подчинения и ожидания его милости, но...

— Пусть рядом с ним будет его шлюха, — заявляю я и все никак не могу моргнуть. — Его любимая шлюха, а мне надо тут немного прибраться.

— Я от тебя такого не ожидал, — в голосе Юры сквозит ледяное разочарование. — У меня просто слов нет.

Я не виновата, что у Владимира проявилась семейная наследственность с сердечными проблемами, а то, что я уехали и бросила его, то... я не жалею. Ни капельки. Он меня унизил, он предал меня после стольких лет брака, а я его жалеть должна.

Он меня не пожалел.

И не пожалеет, если придет в себя после операции. Он меня уничтожит. В животе от страха скручиваются кишки, когда мне кажется, что тень Владимира усмехается.

— Ма, ты должна приехать, — Юрий пытается быть со

мной терпеливым, — ты себе этого не простишь, если...

— Я себя уже простила, — заявляю я и сбрасываю звонок.

Если я и пожалею, то лишь в случае, когда Владимир откроет глаза. Телефон в ладони вновь вибрирует, и я его швыряю в стену с криком отчаяния.

Что я наделала?

— Я, если что, вернулся, Лариса, — слышу голос водителя из глубины дома. — Вас отвезти в больницу?

Я все прекрасно понимаю. Я должна поехать в больницу, потому что это на данный момент единственно правильное решение, которое может хоть немного сгладить гнев Владимира.

Я смогу оправдаться, что вспылила, что он меня сильно обидел и что я просто неуравновешенная старая дура, с которой спрос-то небольшой, но я отвечаю водителю:

— Нет. У меня тут есть дела поважнее.

Глава 15. Он же мог умереть

Ближе к рассвету, когда я, наконец, засыпаю, в дом врываются молчаливые мужики, в которых я узнаю ребят из охраны Владимира. Они не реагируют на мои крики и буквально вытаскивают из кровати в одной ночнушке.

Владимир выжил.

Черные молитвы о его смерти не были услышаны, и очнулся мой муж в праведном гневе.

— Дайте мне хотя бы халат надеть!

Через несколько секунд мне в лицо швыряют мой халат из легкого струящегося шелка, который надушен цветочным парфюмом.

Тапочки я не успеваю найти и надеть, поэтому привозят меня в больницу к Владимиру босой. И лохматой. Мой воспаленный разум пропускает поездку и очухивается уже в пустом больничном коридоре.

Пол — холодный.

— Сюда, — заталкивают в палату и закрывают дверь.

Я вжимаюсь в стену и запахиваю халат. На высокой больничной койке в проводах и тонких трубках от капельниц лежит бледный Владимир с закрытыми глазами.

Дышит.

Я вижу, как медленно поднимается и опускается его грудь.

Какой он жуткий. Вроде должен быть слабым и жалким,

но ничего подобного. Я чую его ярость. Чую его разочарование.

— Я, все же, надеялся, что ты не настолько дура, Лара, — говорит он тихо и хрипло. Глаз не открывает, — но я ошибался.

— Оставь меня в покое.

— Оставлю, — он усмехается и с трудом размыкает веки.

Его взгляд припечатывает меня к стене:

— Оставлю и покажу, что ты ничего не стоишь. Я хотел с тобой по-хорошему, Лара, — его интонация не меняется. — Я все пытался вновь увидеть в тебе ту женщину, которую любил, но безуспешно.

Меня начинает трясти.

— Решила, что имеешь право решать, жить мне или нет? — опять слабая ухмылка. — Решила, что потянешь такую ответственность и последствия?

Я должна покаяться.

Должна попросить прощение, пока непоздно, но я молчу. Язык присох к небу.

— Напомни мне, — он не отводит взгляда и не моргает, — что было в твоей сумки, когда я забрал тебя от твоей нищей матери, которая перебиралась с зарплаты на зарплату половой, пара платьев, какая-то заношенная блузка, несколько трусов, одна пара туфель... Что еще?

— Ты не посмеешь...

— Все то, что я планировал оставить тебе после развода,

а перепишу на ту женщину, которая спасла меня, — так и не моргает. — Не тебе. Нет. Ты вернешься в ту уродливую комнату в коммуналке с тараканами и клопами. Твой летний дом больше не твой. Твоя машина больше не твоя. Твои шмотки больше не твои. Твои украшения больше не твои. Твои шубы больше не твои.

— По закону...

— По закону ты у меня сядешь и не выйдешь, — он улыбается, растягивая синюшные губы. — Если я на очередной операции не выживу, то ты у меня сгниешь за решеткой.

Вот теперь я вижу настоящего Владимира, который был десятилетиями от меня скрыт. Ту тень, которую жены не должны видеть в своих успешных богатых мужьях, больше не прячут и не сдерживают.

Я — враг.

Я больше не жена и даже не мать его детей. Я бросила его умирать, и ко мне больше не осталось ни искорки сочувствия или уважения.

— Столько лет прожить с такой гнидой, — жестоко усмеяется он, — которая ничего дальше своего носа не видит.

Меня тошнит, и голова кружится.

Мне не хватает воздуха. Нарастает озноб. Я не должна была его бросать, и теперь он покажет мне небо “в алмазах”.

Я на несколько секунд теряю связь с реальностью под вспышкой холодного ужаса, и меня выволакивают в коридор сильные руки, игнорируя мои попытки вырваться.

— Пустите... — шепчу я. — Пустите...

— Ты... — слышу тихий женский голос. — Как ты могла... Он же мог умереть...

Туман перед глазами расступается, больничный коридор вновь принимает четкие очертания, и в нескольких шагах от меня стоит заплаканная Зоя.

Даже в простых джинсах, футболке и кроссовках она — красавица. Испуганная и рассерженная красавица, у которой дрожат руки.

Она сжимает кулаки:

— Он же готовился к операции, — шипит она, — а ты... ты... слепая дура... ты его чуть не убила...

Несколько быстрых шагов, и Зоя одаривает меня яростной пощечиной:

— Наконец, с ним будет та, которая его любит! А тебе бог - судья!

— Но вряд ли вам теперь удастся скоро покувыркаться, — поднимаю на нее взгляд. — Еще подохнет на тебе с таким слабым сердечком.

— Он встанет на ноги, — всматривается в мои глаза с ненавистью, — потому что с ним буду я. Столько лет потратил на тебя...

— Зоя, — в коридор выходит угрюмый Юра, — иди к отцу. Ты должна быть с ним.

Глава 16. Не понимаю

— Если он... — Зоя у двери палаты Владимира оглядывается, — если он умрет... ты пожалеешь... клянусь.

— Мам, идем, — Юра подхватывает меня под локоть и тянет за собой.

А я почти не соображаю, будто у меня мозг омертвел и извилины сгнили. В голове — пусто, и я не в силах отвести взгляда от Зои, которая на носочках заходит в палату к Владимиру и ласково шепчет:

— Я рядом. Я вернулась.

Я не слышу ответа Владимира. Зоя с тихим щелчком замочного языка закрывает дверь, и Юра мягко дергает меня за собой:

— Идем.

Я чувствую под босыми грязными стопами холодный кафельный пол. Мимо проходит испуганная медсестра, потупив глаза в пол.

— Я же говорил, что ты должна приехать, — рычит Юра и чуть ли не затаскивает меня в больничный кафетерий у лестницы.

Встряхивает меня за плечи и заглядывает в глаза:

— Ты понимаешь, что ты натворила? Ты довольна?

Я не знаю. Я не в состоянии сейчас ответить на вопрос сына, довольна ли я. Я изнутри от угроз Владимира обледе-

нела, и, кажется, даже сердце не бьется.

— Здрасьте, — слышу тихий женский голос. — Я могу идти?

Я оборачиваюсь. За дальним столиком в углу сидит женщина лет сорока в потертой джинсовке и ярко-красным платком на голове, который завязан банданой.

— Юра, я не хочу видеть вашего отца, — говорит она. — Я просто выполнила свой человеческий долг.

— Это ты его спасла, — шепчу я. — Ты...

Женщина в замешательстве прячет руки под столом и неловко улыбается. На бледном лице четко проступают темные веснушки.

— Ему повезло, — Юра опять меня встряхивает и всматривается в мое лицо. — Он жив благодаря Инге, которая остановилась и помогла ему.

— У моего отца тоже были проблемы с сердцем...

Я вновь оборачиваюсь, и меня опять начинает трясти от гнева и отчаяния, как лихорадке. Она спасла моего палача.

В кафетерий заходят те самые мрачные охранники, которые притащили меня, и также молча выводят испуганную Ингу в коридор.

— Я не понимаю... — сипит она, — я сделала что-то противозаконное? Что-то плохое? Слушайте, меня дома дочка ждет, кошка беременная, бабушка старенькая... Отпустите вы уже меня.

Вот кто теперь будет носить мои украшения и шубы. А

еще машина и мой летний дом, который я месяцами выбирала вместе с риелтором. Солнечный, теплый и уютный дом, в котором и зимой было бы комфортно жить.

— Что он тебе сказал? — Юра вновь разворачивает меня к себе и наклоняется. — Мама, хватит быть тупой клушей, у которой мозгов хватает только на истерики и обиды.

Увы, мой сын прав.

Мои истерики, обиды и крики привели к тому, что я останусь ни с чем и к тому, что я, вновь вернусь в ту жуткую нищету, из которой мне повезло вырваться.

А я уже забыла о том безденежье и дырявых носках. Неужели опять придется натягивать пятки на лампочки и штопать дыры?

Будь я умнее и сдержаннее, то сейчас бы спала в своей кровати. Ну, разошлись бы с Владимиром по разным спальням и что с того?

— Он все у меня заберет, — тихо отвечаю я, и меня опять начинает мутить от страха, — и вновь вернет туда, откуда меня взял.

Юра молчит и выдыхает через нос, а после тихо спрашивает:

— Ты была в курсе того, что у него должна быть плановая операция?

— Нет, — я с трудом выдерживаю взгляд сына, в котором я чувствую все больше и больше разочарования во мне, как в матери.

— Как так? — зло удивляется Юра.

— А мне никто про нее не говорил.

— Он на таблетках сидел, — шипит мне в лицо. — И ты хочешь сказать, что ты этого не знала?

— Нет.

Он резко отступает от меня, как от прокаженной, и смотрит на меня с таким разочарованием, которое не должна познать ни одна мать.

И глупо отрицать свою вину. Действительно, как я могла проворонить то, что Владимир глотал таблетки и готовился к операции?

Я же чуткая, внимательная жена, которая по одному выдоху раньше могла заподозрить, что Владимиру нездоровится.

— Тогда я не понимаю... — Юра окидывает меня растерянным взглядом, и его глаза становятся ледяными, — какого черта ты так верещала из-за его измен? Чему ты удивлялась, мама?! — повышает голос. — И для чего ты устроила всю эту вакханалию?! Чтобы оказаться на помойке? Гордая и независимая?

Глава 17. Причина жить

— Милый, я рядом, — слышу тихий голос Зои будто через плотную тяжелую подушку.

Чувствую ее ладонь на моей ладони.

Она мягко сжимает мои пальцы:

— Любимый...

Меня будто накрывает теплое одеяло. Она рядом, и уже не так страшно отдать богу душу.

— Я так испугалась... — шепчет Зоя. — Вова... не смей умирать...

— Не пла...нирую... — хрипло и сдавленно отвечаю я.

Каждый слог отдается слабостью и болью во всем теле, но я разрешаю себе усмехнуться.

Когда на обочине дороги я осел на холодный гравий под ударом боли, которая затем сжала мое сердце в ледяных когтях смерти, я до конца верил, что Лариса не оставит меня.

Даже когда она села в машину, я верил, что моя жена все же одумается.

И даже перед тем, как нырнуть во тьму, я верил, что она вернется, ведь кроме ревности, злости, обиды в ней есть то, во что я однажды влюбился с первого взгляда.

Милосердие.

Можно сказать, что этот приступ мог стать для меня тем переломным моментом, когда я бы вновь мог почувствовать

к Ларисе теплую искру восхищения, но увы.

Я окончательно разочаровался.

Милая добрая девочка, которая бесстрашно лезла в воду спасать агрессивного кота, осталась в прошлом.

При смерти я вновь хотел увидеть то женское сострадание, которое останавливает жестокость и насилие и которое бьет по мужской душе четко и прицельно.

Увы и еще раз увы.

Лариса стала обычной истеричной бабой, с которой ни один мужик в здравом уме не останется.

Для таких мразей ты только должен, должен и должен. Но должен за что именно? За крики? За претензии? За вечное недовольство? Или за кривую рожу, когда целуешь в щеку?

И дети ей тоже должны. При любых обстоятельствах они должны срываться и бежать ее поддерживать в наших спорах, потому что я априори всегда не прав.

Я даже вспомнить не могу, когда мы скандалили один на один, и каждый раз выставляла себя жертвой, которую несправедливо обидели.

— Как она могла так поступить? — сипит Зоя.

Будь в ней та любовь, о которой она так истерично кричала, то она бы не уехала, и я, наконец, убедился в том, что в этой женщине больше нечего ценить и уважать.

Лживая дрянь, которая будет до конца всем лгать о своей любви, лишь быть жертвенной овцой.

Ну, что же. Я позволю ей побыть настоящей жертвой об-

стоятельств, и пусть увидит, что ее трагедия не тронет никого, потому что люди чувствуют фальш.

А Лариса стала фальшивкой, которая продолжает и продолжает пускать слезы, верещать и играть оскорбленную овцу.

Реальная жизнь научит ее смирению.

— Я не...хочу говорит сейчас о ней, — закрываю глаза.

Мужчине нельзя разочаровываться в женщине, которую когда-то любил, потому что за разочарование следует черная агрессия.

До обочины меня сдерживали теплые светлые воспоминания из прошлого, но теперь все это перечеркнула высокомерная ухмылка Ларисы в тот момент, когда она выбросила таблетки.

Она наслаждалась моментом, и теперь образ расцарапанной девочки с орущим котом на руках поблек.

Осталась только мерзкая крикливая бабища, от которой тошнит и раздрает лютое раздражение на грани ненависти.

Да, я ее возненавидел в тот момент, когда она уехала.

Не потому, что я мог умереть. Нет.

Я возненавидел ее за то, кем она стала за эти годы. Если честно, если бы стоял выбор, то я предпочел смерть, против которой бы выступила Лариса, а не спасение незнакомой женщиной на стареньком хэтчбеке.

Ведь тогда бы эти долгие двадцать лет, в которых я убеждал себя, что я несу ответственность перед Ларисой, как пе-

ред женой, имели бы смысл.

Тогда бы я не был идиотом.

— Прости, — Зоя крепче сжимает мои пальцы. — Знаешь... А у тебя нет вариантов кроме как жить.

— Да?

— Да, — шепчет на ухо, — у тебя есть серьезная причина жить, — касается губами моего уха и выдыхает, — я беременна, любимый.

Глава 18. Проклинаю

— Ладно, — Юра прикрывает лоб рукой и медленно выдыхает, — тебе надо залечь на дно.

После он проходит к одному из столов и садится на стул:

— Подождать, когда пап немного остынет.

— И что дальше? — охаю я. — Я приползу к нему на коленях?

Юра поднимает на меня взгляд и тихо говорит:

— Мам, ты собираешься взять себя в руки? Сколько можно, а? — встает и подходит ко мне резким и быстрым шагом. — Тебе же на него насрать. Ты вообще не в курсе о его жизни.

— Не смей со мной в таком тоне говорить...

— Не будь дурой! — Юра повышает на меня голос. — Прекращай наматывать сопли на кулак. Ты его преспокойно кинула умирать и не надо прикрываться его любовнице, которой ты, черт тебя дери, отлично подыграла. Он тебя прошил успокоиться, но ты... нет! Тебя надо сцену устроить, скандал! Вызвонить меня, Сашу и Златку, чтобы и мы участвовали в твоём скандале!

А мне не оспорить слова сына. Его претензии справедливые. Будь у меня мозгов побольше, то все было бы иначе. Не стояла бы я сейчас босыми ногами на полу.

— И я тебе сейчас говорю, чтобы ты затихла на некоторое

время, — рычит мне в лицо. — Ты меня слышишь, мама? Ему светит несколько операций. Серьезных операций.

— Да пусть подохнет.

Юра с рыком отворачивается от меня и прижимает кулаки ко лбу. Дышит тяжело и сдавленно:

— Мама, я тебя, Христом Богом прошу, заткнуться и выслушать меня, — оглядывается и рывкает на меня, — ты облажалась! Сильно облажалась! И чего ты добиваешься сейчас, я не понимаю! Тебе не пятнадцать лет, чтобы ты так истерила и не думала наперед!

Прячу лицо в руках в попытке унять озноб и дрожь. Сын прав, я должна успокоиться, но меня накрывает еще большей злобой и ненавистью в Владимиру.

Он меня оскорбил. Унизил.

— Саша вызвонил из Штатов одного из лучших кардиохирургов, — Юра старается говорить спокойно, — он со своей командой уже вылетел к нам. Я повторяю. Будет несколько операций, мам, и ты в это время затихнешь. Ясно?

Я могла всю ситуацию повернуть в своих интересах, но во мне нет хитрости. Во мне только тупая бабья ярость и уязвленное эго.

Во мне даже тоски нет и как таковой обиды, только злоба, и Юра сейчас ее чувствует, а злобных теток моего возраста никогда никто не пожалеет, ни приголубить и не защитит.

Будь во мне хоть капля сожаления, то мой старший сын был бы со мной помягче, но, как я уже сказала, я разъярен-

ная тетка, а мужики разъяренных теток быстро ставят на место.

— Переждешь бурю...

— Пока ты папочке нацеловываешь его задницу, да?

— Ты и правда дура, — усмехается Юра. — И да, надо было отцу разводиться с тобой еще лет двадцать назад, потому что в мои пятнадцать ты себя точно так же вела. До сих пор помню твои крики, когда ты нашла у меня сигареты в кармане, — усмехается, — королева драмы.

— А, может, ты вспомнишь, что было до этого? Как ты избил одноклассника, как с головы учительницы сорвал парик и поджег? — возмущенно и быстро говорю я.

— И все эти разы ты устраивала цирк, и тебя мог сдержать только отец. — Юра вглядывается в глаза. — Сейчас ты опять разводишь драму, истерику лишь, чтобы привлечь к себе внимание. Даже отец от всего этого устал.

Да откуда мужику знать, каково быть матерью трех сложных детей. Один учительские парики поджигает, второй на биологии пытается однокласснику силком скормить живую лягушку, а третья отрезает косички своим подружкам.

И претензии о том, что наши дети - садисты и будущие уголовники, предъявляли не папе, потому что его все боялись, а мне, ведь я всего лишь женщина. На мне можно отыграться.

— Он — мой отец, — наклоняется ко мне, — и нет, я не хочу его хоронить сейчас. Да, мне начхать, что у него дру-

гая женщина, потому что во мне ноль осуждения. Зоя — это твоя вина, мама. Ты сама допустила ее появление в жизни отца, а теперь тебе придется жить в новых реалиях. Ты больше не жена, которую готовы терпеть. Уясни это уже и включи мозги.

— Ты такой же предатель, как и твой папаша, — смеюсь я.

Закрывает глаза на несколько секунд, справляясь с гневом. Удивительно, как он похож на отца.

— Ладно, — он лезет в карман брюк и вытаскивает кошелек.

Пытается сунуть мне деньги со словами, что мне сейчас они мне потребуются, но я отмахиваюсь от его рук и отталкиваю:

— Ни копейки у вас не возьму!

Часть меня осуждает эту глупую истерику. Сейчас мне и правда надо найти спокойствие, осторожность и терпение, но... я же королева драмы, и так быстро отказаться от криков я не могу.

— С тобой сейчас диалог совершенно невозможен! — гаркает на меня Юра. — Истеричка!

Я знаю, что я сейчас должна пустить слезу и тихим голоском попросить у сына помощи и защиты, ведь только к слабым и покорным женщинам мужчины нашей семьи снисходительны.

— Ты стоишь своего отца!

С этим громкими словами я выхожу из кафетерия, пле-

туть по коридору. В пятку впился мелкий камушек.

— Проклинаю, — слышу хриплый голос моей свекрови. Оглядываюсь.

Стоит укутанная в плед в дверях комнаты отдыха персонала, и ее пытается затянуть обратно молоденькая медсестра:

— Ваш сын просил проследить, чтобы вы немного поспали. И надо еще раз давление померить.

— Проклинаю, — повторяет Нонна Витальевна не спуская с меня черных и злых глаз. Вот уж точно старая ведьма. — Мразь такая. Твоя мать сейчас в гробу переворачивается.

Плует в мою сторону. Что же. Она имеет право на материнский гнев. Владимир и в пятьдесят пять будет для нее мальчиком.

— Твоя мать была добрая душа, а ты калечная у нее уродилась.

А после торопливо семенит ко мне, прихрамывая правую ногу. Я не ухожу. Мне даже любопытно, что будет дальше, а дальше старая гримза срывает с моей шеи золотой крестик и шипит в лицо:

— В тебе нет бога. Зря я тогда сказала ему, что он должен вспомнить, за что полюбил тебя.

Глафа 19. В душе - тьма

— Ваш сын та еще живучая тварь, — цежу я сквозь зубы старой морщинистой свекрови.

Во мне действительно нет Бога. Я впустила в свою душу Дьявола, поддавшись ненависти и обиде, и Дьявол затащит меня в Ад.

Я пытаюсь отобрать крестик у противной старухи, которую терпела столько лет в качестве вечно недовольной свекрови.

Этот крестик — мамин, и я его себе верну.

Я дергаю руку Нонны Витальевны, а после резко отпускаю в попытке разжать ее крепкий кулак.

— Прекратите! — кричит медсестра.

Вырываю крестик, а Нонна Витальевна открывает рот, хватая ртом воздух, и падает.

Я отступаю.

Медсестра не успевает добежать. Нонна Витальевна падает. Я слышу глухой стук. Старческий затылок бьется о кафедру.

— Твою мать! — кричит Юра. — Бабушка!

Меня тащат прочь, а я роняю мамин крестик.

Бог покинул меня. Я отвернулась от него в тот момент, когда выкинула таблетка Владимира, а он учит милосердию, терпению и доброте.

Нонна Витальевна дергается в конвульсии. Мимо бегут медсестры и врач в белом халате.

Мой сын сидит на полу рядом с Нонной Витальевной и в ужасе прижимает ладони к лицу.

Я отказалась от Бога, когда ухмыльнулась в бледное лицо Владимира, приняв дар от Дьявола — сладкую жестокость.

— Бабуля, — Юра дрожащими пальцами касается морщинистой кожи, что походит на пятнистый тонкий пергамент.

Нонна Витальевна замирает на полу. Глаза — стеклянные. Рот приоткрыт.

Я чувствую кожей, как ликует Дьявол. В слабой женщине, которая в прошлом спасала вшивых котов, помогала пьяным бомжам и требовала от мужа жертвовать большие суммы для лечения больных деток, потухла последняя божья искра.

Одна из медсестер касается пальцами дряблой шеи, поднимает взгляд на высокого седого врача и качает головой.

Мертва.

Дьявол любит оправдания, и он сейчас нашептывает мне, что я не виновата. Я была в стрессе, я потеряла брак, это Вова меня довел, это он виноват, что его мамуля отдала Богу душу. Да и сама мамуля его тоже хороша: оскорбила, прокляла и крестик хотела отнять.

Нет, Ларочка, ты не виновата.

Это Божья терпила бы кинулась спасать Владимира, а ты у нас не такая. Нет. Ты у нас гордая и непримиримая львица.

Да и стара ты для терпения, милосердия и жалости. Можешь позволить себе побыть немного истеричкой.

И есть шанс того, что сейчас твой муженек все узнает и точно копыта откинёт, а если нет...

Ну, тогда ты знала, чем рискуешь.

Своей душой.

Сколько вас таких глупых и наивных куриц, которые решают, что имеют право на жестокость, когда их посмели обидеть.

— Отцу не говорите. Не сейчас... — Юра поднимает лицо к врачам и медсестрам. — Я беру это на себя. После операций... — переводит на меня взгляд и я вижу в его глазах лишь отчуждение и растерянность.

— Но мы обязаны вызвать полицию, — неуверенно говорит седой врач.

Мама говорила, что всегда важно оставаться человеком. Такая одновременно простая и сложная мудрость, которую понять можно лишь тогда, когда ничего уже не исправить.

Лишь тогда, когда коварный Дьявол отпускает твою руку и отступает в сторону, чтобы ты посмотрела на результат своей ненависти и упрямства. Нравится? Зато вовремя не закрыла пасть, не выдохнула и не перетерпела.

Теперь этот самый Дьявол хлестнет хвостом по кафелю, на котором искрой вспыхивает золотой крестик, и посетит Владимира.

Намечается увлекательная игра с человеческими судьба-

ми.

— О, господи... — раздается испуганный шепот Зои. — Нет... Господи... нет...

Бежит мимо, расталкивает медсестер и врача.

— Нет... — тянет дрожащие руки к мертвой старухе, а после в ярости смотрит на медсестру, которая вышла вместе с Нонной Витальевной, — вы же должны были... как вы это допустили...

— Все так быстро произошло... я же не думала, что она ее толкнет...

Зоя оглядывается на меня:

— Ты что наделала?! — переходит на крик. Из глаз брызжут слезы. — Что ты за чудовище?!

Глава 20. Годами

— Вызывайте полицию, — Врач обращается к одной из шокированных медсестер, — эта ночь будет очень длинной.

Он отходит к белой секции стульев у стены и медленно садится, потирая переносицу.

— Господи... — причитает Зоя, касаясь лица Нонны Витальевны, — очнитесь... Вы так сейчас нужны Вове... Очнитесь... — сипит, — мы же с вами даже не успели подружиться... я вас хотела обрадовать, чтобы вы так не злились на меня...

Обрадовать чем?

Женская чуйка понимает, что причитает сейчас Зоя со слезами о том, чего лишил меня климакс.

О беременности.

Она ждет от моего мужа ребенка.

Пусть я и родила троих детей, но от меня сейчас будто на живую срезают куски кожи.

— Ты еще и залетела от него... Потаскуха...

Хочу вырваться из рук охранников, которые не понимаю, что теперь делать со мной. Они понимают, что это они недосмотрели за мной и что им тоже может прилететь от Владимира.

Я осязаю не только замешательство, но и страх, и от него скручивает кишки, сдавливает сердце и сжимает желудок.

Меня сейчас вырвет.

— Очнитесь... — Зоя игнорирует мои оскорбления и поглаживает лицо Нонный Витальевны, — умоляю, очнитесь...

Юра проводит ладонью по щеке и шее, а я будто на все это сборище и на себя в том числе смотрю со стороны и понимаю одну жестокую истину, которая и стала для меня тем самым Дьяволом.

Женщина, которая бы любила изменщика-мужа, не бросила бы его умирать на обочине дороги и не позволила бы вырваться агрессии в сторону старой немощной старушенции.

Когда предают любовь, женщина чувствует обиду, жалость к себе, ревность и боль в сердце, и ее запятнанная любовь все равно верит в лучшее. Под обидой бьется искорка надежды, а под моим гневом нет ничего светлого.

Потому что Владимир посмел ударить не по моей любви, а по моему терпению, с которым я жила с ним последние годы.

Да, именно та женщина, которая остается женщиной не по любви, а по обстоятельствам, после его измен и предательства, звереет.

Я ведь столько лет Владимиру отдала. Столько лет несла бремя его жены. Столько лет играла на публику и для себя роль любящей счастливой жены. Столько лет ложилась с ним в постель и столько лет позволяла пользоваться моим телом.

Столько лет я думала, что я должна задавить себе недо-

вольство тем, как он дышит, как он пьет кофе и как он похрапывает во сне мне в ухо.

Столько лет я не позволяла себе даже мысли о другом мужчине. Столько лет я отказывалась от фантазий о новой любви и радости вне семьи. Столько лет...

А он... он решил, что имеет право на любовь.

На красивые страстные вечера.

На сладкую близость и томные стоны.

Он вздумал, что имеет право вновь почувствовать живым, когда я приняла решение умереть рядом с ним.

Вот та истина, что породила во мне Дьявола и отвернула от Бога и его простых, но таких невозможных для женщины, которая разлюбила, но осталась.

Осталась ради детей, ради общества, ради статуса, ради родственников, которые все эти годы завидовали нашей красивой семье, ради глупых стереотипов, что если женщина не сохранила брак, то она неудачница.

Осталась и сама себя убедила в том, что все это по любви.

Но любви давно не было.

Женщина без любви в сердце — чудовище, потому что любовь — это наша суть. Мы приходим в этот мир, чтобы любить, чтобы согреть, чтобы этим мягким светом вытравливать из мужей и детей черный эгоизм.

Но любви во мне давно не было, а я смалодушничала и осталась, ведь Владимир был хорошим стабильным мужчиной. Такими не разбрасываются, верно? Я же не дура. Я пе-

рETERПЛЮ. Я это раздражение, когда он меня целует в плечо, задавлю в себе, а к его похрапываниям, которые раньше казались милыми, вновь привыкну.

Во мне давно нет любви, и я бы прожила в этой нелюбви до самого конца, но Владимир посмел отказаться от моей жертвенности и меня.

Он пнул мое эго, а не сердце с душой. Вот и все.

Любовь к Владимиру не позволила бы всему этому случиться.

— Вова! Милый! — я слышу свой громкий голос.

— Заткните ее! — рывкает Зоя и кидается ко мне.

— Твоя мать мертва! Слышишь?! Мертва! — успеваю крикнуть я во все горло прежде чем мне затыкают рот и скручивают в три погибели.

Надеюсь, он услышал. Надеюсь, что он сейчас дергается в конвульсии. Надеюсь, что он отправится вслед за мамочкой.

Я. Ненавижу. Его. Годами.

— Она не в себе, — Юра встает на ноги.

И все наши дети рождены от его проклятого семени. Все они несут в себе его кровь. Все они — его продолжение, но не мое.

— Успокоительное тащите, — Юра оглядывается на медсестер. И гаркает. — В темпе, мать вашу! В темпе!

А после он обхватывает мое лицо и приподнимает его к себе:

— Мам, я тебя очень прошу, успокойся.

Я вижу в нем его отца, и плюю в лицо сына. Он отступает, вытирает со скулы мой плевок с медленным терпеливым выдохом и говорит:

— Надо тебя, похоже, в дурку на время закрыть, — щурится, — и молись, чтобы он поверил в твой психоз.

Но у меня не психоз. Из меня просто вырвалось разочарование, что копилось в душе долгими адскими годами.

— Он стабилен, — к нам из-за угла выглядывает медсестра. — И...

Я чувствую холодный сквозняк, что ползет по босым ногам.

— Он в сознании... И сказал... — переводит на меня испуганный и загнанный взгляд, — что слышал вас...

Глава 21. Что ты ему скажешь?

— Стерпится-слюбится, — хмыкаю я, — так-то он мужик... неплохой, — смотрю на молчаливую Юлию Ивановну, — обеспеченный, стабильный, при деньгах, статусный, не пьет, не курит, и даже заботливый. Хороший мужик же, да?

Делаю паузу, и усмехаюсь:

— Знаешь, Юль, нет ничего хуже бабы, которая разлюбила. Она и на других мужиков начинает трезво смотреть, — смеюсь, — если Владимир меня разочаровал, то у других вообще нет шансов, и требования-то у меня стали ого-го-го какие.

Что-то чиркает в блокноте и вновь внимательно смотрит на меня.

— И мне не хотелось опять все это чувствовать, чтобы потом видеть в мужике того, от кого тошнит. Опять это проживать и ради чего? Ради сомнительных рисков? — пожимаю плечами. — И я отказалась от этой идеи. Я приняла свою судьбу.

— Но не Владимир.

— Верно, — клоню голову на бок, — он полюбил, у него появились радостные вечера, сладкая близость, волнение в груди.

— Он предлагал все оставить, как есть. Статус, деньги,

стабильность...

— Я бы согласилась, если бы у него это были простые перепихоны, — я обнажаю зубы в улыбке. — Просто баба, в которую он сливает, но... он влюбился, Юль. На этих фотографиях он смотрел на эту суку с любовью.

Возможно, Юля меня осуждает, но она никак этого не показывает. Хорошо играет роль внимательного психиатра.

— Если бы мне прислали фотографии, где он просто натягивает разных эскортниц, то я бы эти фотографии просто сожгла, — хмыкаю. — У нас все равно нет близости больше года. Заразу бы не подцепила.

— Допустим, но почему бы не согласится на развод, о котором ты сама кричала и требовала?

— Не было бы звонка от Зои, то, может, быть доехали бы в целости и сохранности, — откидываюсь на спинку стула. — Она у него даже записана, как любимая.

— Это вас стригерило?

— Я бы его сейчас еще бы и переехала.

— Вы себе не помогаете.

— Это правда. Он мог бы себе запретить любить в таком возрасте. У него дети, внуки, жена и больное сердце. Запрети и доживи уже эту поганую жизнь, как принято у обычных людей.

— Запретить ради вас? — Юля вскидывает бровь.

Я окидываю скучающим взглядом небольшой, но уютный кабинет Юли, а после смотрю в сторону окна, за которым

установлены решетки.

Нет, сбегать я не планирую. Догонят, и опять вколят какую-нибудь дрянь, после которой я сплю сутками.

Хотя... я бы, наверное, не отказалась сейчас отключиться от реальности.

— Ради вас? — повторяет вопрос Юля.

— Он все обесценил, — поглаживаю щеку, — я терпела зря. Я заставляла себя улыбаться ему зря. Я заставляла себя думать о нашем будущем зря. Зря. Понимаешь, Юля, зря.

Зря, потому что в итоге привела себя к тому, что я в пятьдесят пять лет оказалась в психиатрической клинике, в которой по ночам раздаются крики буйных шизофреников.

— Твою жертву никто не оценил?

— Нет, — вновь смотрю в сторону окна, — и ведь мы оба терпели друг друга. Это была взаимная неприязнь, взаимное раздражение, а потом он просто разрешил себе полюбить другую, — перевожу злой взгляд на Юлю, — он нарушил правила нашего брака. Никто из нас не имел права любить других, если мы остались в нашем браке.

Неделю назад похоронили мою свекровь, и в тот же день на сердце Владимира провели главную основную операцию.

Пусть его сердце все же остановится. При новом ударе сожмется и остановится. Думаю, что я это почувствую.

И боюсь я не того, что он встанет с койки и придет ко мне. Нет.

Я боюсь, что он не придет. Я боюсь, что его любимая Зоя

уговорит его оставить меня в психушке и забыть, ведь она родит ему ребенка. Ведь его ждет новая жизнь с кусочком счастья.

К черту эту психованную идиотку. Пусть лежит себе под успокоительными, беседы ведет с психиатром и о никчемной жизни своей думает.

И если он решит, что, да, я даже гнева его не заслуживаю, то я окончательно проиграла.

Его холодное равнодушие — вот истинное наказание для дуры, которая сначала терпела его, потом оставила умирать, а затем ждет его. Пусть и со страхом, злобой, черной обидой, но ждет.

Либо пусть сдохнет на операции, либо пусть придет и утопит меня в ярости. Закрываю глаза.

Если мы не любим друг друга, то должны ненавидеть отчаянно и до желания уничтожить, стереть в порошок, искалечить.

Но его может сдержать и успокоить любимая женщина.

— Если ваш бывший муж придет, то что ты ему скажешь? — Юля перелистывает свой блокнот и щелкает ручкой. — Ты ведь явно его ждешь.

— Он может не прийти, — шурюсь на голубя, — Зое сейчас это совершенно невыгодно.

— Мне теперь самой любопытно, чем все это закончится, — Юля позволяет рассмеяться, но после моей тяжело-го взгляда вздыхает, — в любом случае, я пообещала твое-

му старшему сыну привести тебя немного в порядок до этой возможной встречи.

Глава 22. Так нельзя

— Зой, это и в твоих интересах, чтобы он оставил мою мать в покое, — говорю я. — И только ты можешь сейчас его убедить, что пора остановится.

Зоя вздыхает и проводит пальцем по краю кружки с травяным чаем.

— Сейчас ей нервишки подлечат, — продолжаю я, — приведут в порядок... после мы поможем ей даже переехать из города. Будет жить потихоньку, и вам не мешать.

— Что же ты так за нее впрягаешься? — Зоя немного клонит голову на бок и щурится. — Она же никого из вас не любила и не любит.

— Она моя мать, — сдавленно отвечаю я.

— Мать, да, но не мама, — Зоя печально вздыхает.

А мне нечего возразить, потому что у нас все очень сложно, и ни у кого из нас, троих детей, не повернется язык сказать, что наша мать была мамочкой, мамулей, мамуськой, и тем теплым солнышком, у которого мы могли греться.

Между нами было постоянное напряжение, которое нарастало с каждым годом нашего взросления.

Малышами нас тискали, целовали, баловали, а потом... хрупкая связь истончалась, и вместо ласковых слов мы чаще слышали от матери:

— Что вы опять натворили в школе?

— Да сколько можно? Я устала от звонков директора. Во-ва! Ты опять скажешь, что это всего лишь шалости?

— Пусть папа разбирается! Мне надоело краснеть и извиняться перед всеми!

— Ну, конечно, это мама плохая, а папа у нас молодец. Вот и идите к папе!

Накрываю лицо рукой. Да, это все началось после моих пятнадцати лет. Медленно, но верно мы будто стали для матери нежеланными детьми, а наказанием и врагами, от которых надо бежать то многочасовые занятия йогой, то к косметологу, то выпить кофе, то на массаж.

— Знаешь, Юр, — Зоя хмурится, — у меня с мамой очень непростые отношения, но у вас... это просто, извини, за выражение просто жопа.

Она нуждалась нас лишь в ссорах с отцом. Мы должны были безоговорочно вставать на ее сторону и вместе с ней обижаться на отца. Обижаться и наказывать, например, молчанием.

Может быть, она так искала нашей любви, но... это вызвала у нас растерянность, недоумение, а потом с каждой новой ее попыткой втянуть нас в конфликт, мы чувствовали раздражение и глухой гнев.

В итоге она обижалась на отца и на нас за то, что в очередной раз показали ей “как мы ни во что не ставят мать”.

Папа множество раз просил не втягивать нас, требовал, но увы, поэтому в какой-то момент папа просто перестал реа-

гировать на женскую агрессию матери и сводил ее претензии к тому, что со всем соглашался.

— Это больно видеть, к чему приводит нелюбовь матери,
— Зоя делает глоток чая.

Но ведь были и хорошие моменты. Просветы.

Наверное, в эти дни, когда она была улыбочивой, ласковой и подбивала отца на совместные поездки, прогулки или походы, она пыталась все исправить, пыталась сыграть то, что мы все потеряли в нашей семье. Сыграть любовь.

Но мы все знали, что реальность, в которой она опять отстранится и в которой будет избегать нашего общества, вернется.

И у нас вновь останется только мрачный отец, но он хотя бы не пытался вызвать в нас обиду на мать и гнев за то, что в прошлой ссоре она разбила все тарелки в доме. Или из-за того, что требовала заткнуться.

Ах да, были еще няни, но они у нас часто менялись. Никого особо не запомнил. Конвейер из нянь, слуг.

Зато для друзей, родственников, партнеров по бизнесу, знакомых и незнакомых мы были красивой счастливой семьей. Какую фотографию ни возьми, так мы будто с какой-то социальной рекламы о важности семьи вышли.

Одно удовольствие разглядывать.

Вот мама и разглядывала. Может быть, даже в эти моменты она верила всем этим улыбкам и объятиям на фотографиях.

Но теперь я знаю одно.

Они оба друг друга разлюбили. И, наверное, это произошло примерно в одно и то же время. Когда мне было пятнадцать лет.

Синхронизировались, так сказать.

— Кто-то должен сейчас остановиться, — говорю я Зое.

— Твой папа не смог быть на похоронах родной матери.

— Ты хочешь семьи с ним? — я не отвожу взгляда. — Ты же должна понимать, что его ненависть и желание наказать мою мать за то, что она оставила его умирать и за то, что он не смог попрощаться с мамой, которую сильно любил, отнимет его у тебя и ребенка. Он, наконец, может быть с тобой. Меня он не слушает сейчас, а ты... в силах успокоить его гнев.

— Знаешь, я бы ее могла понять, но ровно до того момента, когда крикнула о смерти его мамы, — сжимает кружку с чаем в руках. — Она действительно желала ему смерти. Так нельзя.

И я не могу утверждать, что моя мать будет способна на сожаление и раскаяние. Она с нелюбовью к отцу и к нам охладела, потому что мы — его дети, а во мне она так вообще видит прямое продолжение его крови.

Она не раз говорила, что я копия отца.

— Слушай, — Зоя отставляет кружку с чаем, — ты говоришь правильные вещи, — поднимает взгляд, — Да, Володя должен быть в любви, а не в ненависти. У него есть шанс на

другую жизнь. На любовь, на счастье, на уют.

— Значит, ты поняла меня? — смотрю в большие карие глаза прямо и твердо.

— Да, — кивает, — и я с тобой согласна. После операций, после реанимации, после всей реабилитации он должен быть со мной, а твоя мама пусть доживает свой век.

Глава 23. Не любит

— Какие у вас отношения с матерью? — спрашивает психиатр мамы Юлия Ивановна.

Я аж издаю нервный смешок, а затем цыкаю, что высказать свое отношение к этому глупому и возмутительному вопросу.

— Злата, это важно.

— Давайте я проиллюстрирую вам наши отношения с мамой одним эпизодом, — усмехаюсь. — Вы же, мозгоправы любите, именно в ситуациях копаться, да?

— Возможно.

— Моей дочке было около двух месяцев, — не отвожу взгляда от Юлии Ивановны. — Я сдуру сказала маме, что очень устала и что не справляюсь. Что мне страшно, что мне одиноко и хочется спать.

— Так.

— Я даже расплакалась, — усмехаюсь. — Я так хотела, чтобы она приехала ко мне, чтобы она она обняла меня, успокоила, побыла рядом... а она послала ко мне няньку. Не спорю, нянька была замечательной женщиной, но мне была нужна тогда мама. Но... увы.

Замолкаю.

— Это вас обидело?

— А не должно было? Знаете, если моя дочь позвонит мне

в слезах, то я приеду, а не чужого человека отправлю, чтобы отвязаться от родной дочери.

— Хорошо, а после что было?

— Она утром позвонила, проконтролировала няню. Спросила, как я и все. Потом папа приехал, как узнал, что это я ей звонила. Она ему ничего про мой вечерний звонок не сказала, а утром он ее спалил на кухне с телефоном, и приехал. Мороженое мое любимое привез.

— Вы потом сказали маме, что хотели, чтобы она осталась с вами?

— Я поняла, что это бессмысленно, — пожимаю плечами.

— У меня тоже гордость есть, но самое смешное... Мы все должны бежать к ней по первому зову, а то потом очень обижается. Не разговаривает. Звонки сбрасывает.

— То есть у вас с мамой все сложно?

— Определенно, — соглашаюсь я. — И очень давно у нас с ней все сложно. Не знаю, может, она для вас играет супер-мамочку...

— Нет, — Юлия Ивановна качает головой, — не играет. В том-то и дело. Я поняла, какие отношения у не с вашим отцом, а вот насчет детей... насчет вас... все сложно, — усме-
хается. — Она на вопросах о вас замолкает.

— Конечно, ей нечего сказать, кроме того, что мы предатели, — кривлю губы. — Знаете, моя дочка отказывается оставаться с ней.

— Лариса ее обижает?

— Нет, — кусаю губы, — просто... Катя просто не хочет быть рядом с ней. Я пыталась расспросить дочку, а она говорит... скучно, неинтересно, холодно. Холодно. Ребенку четыре года, а он говорит, что ей с бабушкой холодно. А с другой бабушкой все хорошо, к другой бабушке рвутся и радуются. И когда она оставалась у моих родителей, то с ней всегда в основном возился папа. И я только ради папы оставляла дочку в этом доме...

У меня все же схватывает глотку ком слез и обиды. Я судорожно выдыхаю и отвожу взгляд в сторону окна..

— Вы на маму сейчас похожи.

— Прекратите.

— Она также в окно смотрит.

— Я пришла сюда не для того, чтобы вы мне в мозгах ковырялись! — вскрикиваю я и из глаз брызжут слезы. Вскрикиваю на ноги. — Вы должны вставить моей маме мозги!

— Что это значит?

— Я не знаю!

Меня накрывает рыданиями, которые я прячу в ладони. Я падаю в кресло. Я очень давно не плакала. Наверное, с того самого звонка, после которого ко мне мама прислала няню на помощь.

— Когда я вам звонила, то думала, что вы откажетесь приехать, — Юлия Ивановна дожидается когда мои внезапные слезы стихают.

— Я не хотела ехать, — зло вытираю слезы.

— Почему приехали?

— Ну, это же мама! — рявкаю я. — Что за вопросы?!

— Вы не хотите с ней встретиться?

— Нет.

— Скажете ей, что она была тогда вам очень нужна, а она вас не поняла.

— Нет.

— Скажете ей, что ее внучке рядом с ней холодно.

— Нет, — меня начинает трясти, — зачем? Чтобы она в очередной раз назвала меня предательницей? И чтобы плюнула в меня, как плюнула в Юру? Чтобы опять услышать, какая я неблагодарная тварь? Что я отвратительная дочь? И что мы — ее наказание? Спасибо, но я этого дерьма уже наслушалась в свое время.

— Ей нужна эта правда.

— Зачем?

— У меня встречный вопрос, — Юлия Ивановна немного прищуривается, — мама вас любит?

Меня этот вопрос бьет под дых, и я аж пропускаю несколько вдохов. У меня ладони начинают трястись и я просовываю их под бедра. В детстве меня это успокаивало.

— Думаю... — сглатываю, приподнимаю подбородок и говорю самые страшные слова в жизни любой дочери, — мама меня не любит.

После я подхватываю сумку с полу и буквально сбегая из кабинета Юлии Ивановны. Зря я приехала. Я же знала,

что не стоит ждать от этой встречи ничего хорошего. ничего светлого.

Я шагаю по коридору мимо больших окон, которые выходят во внутренний дворик больницы. Краем глаза цепляюсь за знакомую фигуру.

Я не должна останавливаться. Я должна идти дальше, но я замедляю шаг и поворачиваю лицо к окну.

На лавочке в тени ясеня сидит мама ко мне спиной, но она будто чувствует мой взгляд и оборачивается.

Смотрит. Просто смотрит. Не улыбается, не поднимает руку в приветственном жесте. Просто смотрит, а у меня слезы ручьями текут.

Не любит.

Я громко всхлипываю и убегая.

— Злата, — окликает меня голос Юлии Ивановны.

— Чего вам?! — оглядываюсь в какой-то звериной ярости, и двое молодых санитаров в стороне напрягаются.

— Я записала наш разговор, — Юлия Ивановна выхватывает из кармана халата смартфон и с мягкой улыбкой показывает его мне. — Спасибо, что приехали. Я тоже в каком-то смысле оперирую сердце вашей матери, и мне надо было поострее заточить свой скальпель. Она должна услышать то, что вы сказали. Она услышит каждое ваше слово. Мне ваш брат платит не за то, чтобы я ее тут просто пичкала галоперидолом.

— Юра часто ей потакал...

— Он помнит, что ваша мать была другой, — Юлия Ивановна щурится. — Ты самая младшая.

— Не повезло, — насиешливо цыкаю я и выхожу на крыльцо под промозглый порыв ветра.

Я имею полное право угрожать Юлии Ивановне судом и полицией. Она записала частный приватный разговор, и за это она может серьезно встрять, но...

Смахиваю слезы.

Пусть мама послушает.

— Пусть, — шмыгаю и торопливо спускаюсь по ступенькам.

Глава 24. Ничего

Зоя забирает из моих рук стакан воды, и я слабо касаюсь ее мизинца в знак благодарности. Опускаю руку и закрываю глаза.

Слабость дикая, и каждый вдох и выдох мне дается с трудом. Грудь сдавили плотные бинты.

Я жив. Сердце бьется.

До сих пор не могу поверить, что моя мать мертва. Ее спрятали под землей, а меня даже на похоронах не было.

И не я отдал ей сыновний долг в организации ее последнего пути, а ее внуки.

Я не держал ее холодную руку и не поцеловал в лоб со словами: я люблю тебя, мама.

И Лара прекрасно знала, что я люблю маму и что ее ехидный крик о ее смерти накроет меня страхом и отчаянием. Моя мама, которая учила делать свистульки из осоки, умерла, и я с ней не попрощался.

И за что она так к моей матери, которая не обижала ее, никогда не была против нашего брака и никогда слова плохого о ней не говорила?

Я растерян.

Если во мне за выкинутые таблетки и за то, что она бросила меня, вспыхнула ненависть и ярость, то ее слова о смерти моей матери и ее злорадство потушили во мне мой гнев и

желание что-то доказать этой женщине.

У меня даже пульс не участился, а в голове все затихло.

Полный штиль и тишина.

В какой-то момент мне показалось, что я сам помер, но слабый удар сердца напомнил: жив.

Моя мама тесно сдружилась с мамой Лары. Именно она после знакомства с тихой милой девчушкой и ее скромной матерью настояла, что надо Раису забирать из коммуналки и поселить ее в нормальную квартиру. Это же так унижительно для женщины жить там, где один туалет на несколько семей.

Она сразу приняла Лару в качестве моей невесты. Отец бурчал, но мама успокоила его и сказала, что любовь дороже всего на свете.

И именно мама ходила со мной и выбирала сколько на предложение...

Делаю глубокий вдох.

Я согласен был с ненавистью к себе, но не к матери, которая всегда была на ее стороне.

У меня больше нет ничего к Ларе.

Ни раздражения, ни злости, ни возмущения, ни ненависти.

Моя мать умерла на ее глазах, а она решила использовать ее ради насмешки надо мной.

— Вова, ты заснул, что ли? — Зоя мягко касается моей щеки.

Я слабо улыбаюсь.

Мою холодную тишину в голове нарушает мягкая вспышка тепла.

— Нет, не сплю, — голос у меня хриплый и слабый. — Зоя... ты тут со мной целыми сутками. Тебе надо отдохнуть от больницы.

— Прогоняешь?

— Нет, — приоткрываю глаза.

Лицо Зои размыто, но ее большие карие глаза я вижу четко. Она обхватывает мою ладонь и крепко ее сжимает с улыбкой.

Я виноват перед ней.

Сколько раз я ее обижал словами, что жену не оставляю и что наш брак, пусть не о любви, но о моей ответственности.

Сколько раз я ее обижал, когда уходил к Ларе, чтобы лечь с ней в одну кровать.

Сколько раз я ее обижал, когда не отвечал на ее сообщения, ведь я был в этот момент с Ларой.

С Ларой, которая порадовалась смерти моей матери.

С Ларой, которая знала, что мне будет больно от того, что я не смогу попрощаться с мамой.

С мамой, которая выбирала с ней свадебное платье и плакала на нашей свадьбе от счастья.

С мамой, которая была с ней рядом, когда она рожала каждого из наших детей.

— Вова, — Зоя прижимает щекой к моей ладони, ласково вглядываясь в глаза, — у меня есть одна мечта.

— Стать моей женой? — хмыкаю я.

— Я вся твоя и без кольца, — улыбается, — я хочу уехать с тобой далеко-далеко. Ты, я и кое-кто еще, — хитро щурится, — маленький и крикливый. Слышишь?

— Слышу.

— Я знаю, ты злишься, — она хмурится. — Злишься на Лару...

— Уже нет, — взгляда не отвожу.

— Я говорила с Юрой, — вздыхает. — Он просил поговорить с тобой. Он волнуется, что ты...

— Это ожидаемо, — пытаюсь пожать плечами, но зря. Боль растекается по всему торсу. — Она же его мать

— Да он так и сказал, — кивает. — Они хотят взять ее под опеку.

— Это их право. Мне все равно, — я опять закрываю глаза. — Меня она больше не касается.

— Мне так жаль, Вова, — шепчет Зоя. — Я не должна была звонить тогда. Это я виновата. Прости меня... Я же не знала, — утыкается в мою ладонь лицом, и я чувствую ее теплые слезы, — я не хотела... Мне так страшно потерять тебя, Вова.

— Тише... Мне же нельзя нервничать, ты забыла?

— Прости, — целует мою ладонь со всхлипом, — хочешь я тебе прочитаю? У тебя сейчас время для чтения.

— Хочу, — киваю. — Но я могу заснуть. Я целых пятнадцать минут не спал, — усмехаюсь. — Кстати, я не стал

громче храпеть?

— Нет, — смеется, подается ко мне и легко целует в губы,
— к тебе возвращается твое чувство юмора. Я, конечно, не
доктор, но... положительная динамика точно наблюдается.

Глава 25. Все равно

— Хороший денек, — сбоку останавливается крепенький дедок, который подтаскивает к себе капельницу. Шурится на солнце. — Благодать.

Я сижу в инвалидном кресле и едва голову держу. Зря я решил подышать свежим воздухом.

— Это у тебя семейная драма? — косится на меня. — Медсестры-болтушки все шушукаются о каком-то мужике, которого жена бросила умирать, а потом еще его мать прибила. Из-за любовницы? Развода?

— Я не настроен сейчас на диалог.

— В который раз убеждают, что моему сыну с женой-то повезло, — дед хмыкает. — Тоже разводятся, но... не думал, что это скажу... цивилизно, оказывается, разводятся. Я как подумаю, что будь я твоим отцом, то меня бы твоя стервозина прибила первым.

Я перевожу взгляд на старика, и тот скалится в улыбку:

— Или мой сын просто поумнее тебя, — улыбается шире, — правильно выбрал жену. Это же самое главное.

— Гуляй, дед, — тихо говорю я.

— Ты ее накажешь? — прищуривается.

— Кого?

— Жену.

— Зачем?

Дед хмурится, вглядываясь в мои глаза, и вновь смотрит на солнце почесывая щеку:

— Понял, все глухо. Да, — кивает, — мать, все-такие, святое. Плюнуть и забыть, — отмахивается, — моя невестка меня терпит. Сквозь зубы, но терпит. Да, как начинаешь смотреть на жизнь под иным углом, когда знаешь, как оно бывает у других, а у других... — разворачивается ко мне и наклоняется, — мандец полный.

Щурится и опять улыбается:

— Но, может, просто для порядка жену-то щелкнуть по носу?

— Зачем?

— Показать, кто главный?

— Неинтересно.

— Но она же охамела.

— Еще силы на нее тратить? И она больше не моя забота. Если дети хотят, то пусть с ней возятся, а я... пас. Я уже не мальчик, что-то кому-то доказывать, — медленно моргаю. — Мою маму она не убивала. Дело не в приступе, а в ее словах и... отношении. Наказывают тех, от кого хочется услышать “прости”.

— Да ты философ, — дедок пусть смеется мягко и добродушно, но я чувствую в нем, что он из тех старых хищников, которые в свое время пугали остальных одним лишь взглядом. Переходит на серьезный тон, — но я соглашусь с твоими словами. Если нам не хочется видеть слез, страха и слы-

шать “прости”, то человек для нас мертв. Только от мертвцов такие, как мы, ничего не ждут.

— Теперь ты от меня отвяжешься?

— Нет, в очередной раз порадуюсь за моего сына, что свою жену-то хочет наказывать и в хвост, и в гриву, но, стерва, повода не дает. Хитрая.

— Мне-то это знать зачем?

— Убежать же ты не можешь.

Распрямляется и разминает шею. Позади нас раздается тихий голос Златки:

— Пап?

Затем она обходит меня со спины, встает перед моим “троном на колесах” и неловко улыбается:

— Привет.

Глаза опухли и покраснели. Плакала.

— Почему зареванная?

Косится на дедка, который цыкает и ковыляет прочь по дорожке к крыльцу клиники.

— Я у мамы была. С психиатром ее поболтала, — кусает губы, — а потом я ее саму видела.

Молчу и смотрю поверх кустов, над которыми танцуют две белые бабочки. Мама говорила, что такие бабочки — это добрые духи, которые хотят сказать, что все будет хорошо. Хотят приободрить. Хотят передать от ангелов привет.

Златка сглатывает и садится рядом с моим инвалидной коляской прямо на траву и обхватывает колени:

— Пап...

— Что?

— Вы должны были развестись намного раньше.

— Должны были, — соглашаюсь я, — но прошлого мне не изменить.

— Я знаю.

Молчим около минуты, и Златка шепчет:

— И ты не спросишь, как она?

Ничего не шевелится. Все равно. Да, только от мертвецов мы ничего не ждем. Это забавно. Мать физически мертва, но жива в моих мыслях.

Лара жива физически, но мертва в мыслях.

Какой парадокс.

— Нет, не спрошу, — продолжаю наблюдать за бабочками. — Мне скоро должны уменьшить количество обезболивающих. Голова будет пояснее, и я вызову юристов с документами на развод.

— Ясно, — тихо отзывается Златка. — Пап... Смерть бабушки...

— Мне предоставили видео и заключение патологоанатома, Злата, — отзываюсь я. — Приступ случился до удара головой. Я знаю.

Приступ случился до удара, да, но само видео с этой отвратительной потасовкой, в которой Лара остервенело дергает мою мать за ее худую слабую руку... навсегда в моей памяти. Не стереть.

И ведь якобы боролась с моей немощной матерью из-за крестика, а о крестике потом забыла.

Крестик этот лежит в кармане моего больничного халата.

— Ясно... — обнимает себя за колени. — Я с бабушкой от тебя попрощалась.

— Спасибо, Злата.

Злата плачет, а я пытаюсь дотянуться до ее голову, но рука не слушается из-за дикой слабости.

— Пап, — она утыкается в мои колени, и я, наконец, могу накрыть ее затылок ладонью, — я не смогла... я убежала... но, может, ты сможешь с ней поговорить...

Глава 26. Помню

— Из всех вас троих только ты осмелился ко мне прийти,
— спрашиваю я Сашу, который в ответ медленно приподнимает брови.

У него черты мягче Юриных, но все равно я вижу тень Володи и в среднем сыне.

Мы сидим в гостевой комнате южного крыла клиники.

За дверью дежурят два медбрата на всякий случай.

— Миленько тут у тебя, — Саша оглядывает гостевую комнату. — Больше на санаторий похоже, чем на психушку.

Это он вызвонил лучших хирургов из Америки для отца. Не поленился. Хороший сын. Клейма негде ставить.

— Все насмехаешься? — спрашиваю я.

— Над чем? — откидывается на спинку стула.

— Что меня заперли тут. Что у тебя мать в психушку уупекли.

Он не женат. Наверное, это к счастью. У него же есть все шансы, как у отца, испортить жизнь женщине.

— Ну, учитывая, что ты устроила, то тебе стоит побыть тут, — Саша не отводит взгляда. — Отдохнуть.

— Что я устроила?

— Да.

— Ты даже на мой звонок не ответил тогда. Когда ты был мне нужен...

У меня выступают слезы на глазах, и я начинаю тяжело дышать в попытке сдержать в себе обиду.

— Я был занят, мам.

— Чем же?

— Один урод сбил бездомную собаку, и я был занят ею, — Саша пожимает плечами. — Телефон был на беззвучном. У собаки, кстати, ампутировали одну заднюю лапу, и удалил правый глаз из-за инфекции. Теперь у меня собака-пират. Так и называл пират.

— Что?

Я обескураженно моргаю. Какая к черту собака? У него мать в психиатрической больнице, а он мне про бездомную собаку говорит.

Слезы высыхают. В груди поднимается гнев.

— Ты мне сюда про собаку пришел рассказывать?

— О чем-то же нам надо говорить, — Саша усмехается. — Могу о папе рассказать. Наблюдается положительная динамика, сердце стабилизировали... Угрюмый, как обычно.

Меня начинает трясти. Живой, и не собирается помирать. Он же упрямый. Он просто так не откажется от этой жизни и не отправится в Ад к чертям.

— Или, может, я лучше тебе покажу Пирата?

Через несколько секунд Саша сует мне под нос смартфона. На экране фотография одноглазой рыжей собаки. Сидит, сутулая и печальная в кресле и напряженно смотрит в камеру. Веки удаленного глаза сшиты и залиты зеленкой.

Жалкое и беспомощное существо. Что-то в груди неприятно дергается. Я поджимаю губы, сглатываю и все затихает.

— Да, я Пирата забрал, — Саша прячет смартфон в карман пиджака, — жалко стало. Никому не нужен.

— Твоя мать никому не нужна, — тихо говорю я. — Запрятали меня к шизофреникам и рады?

Саша подпирает лицо ладонью и молча смотрит на меня. Как-то утомленно и отстраненно. Без вины, стыда и сожалений.

Он тоже уверен в том, что здесь мне и место. В стенах дурки с шизофрениками и другими безумцами.

Обидно до слез.

Вот этого я достойна?

— И твоя сестра на днях тут была, — горько усмехаюсь, — только она со мной не встретилась. Вероятно, жаловалась на меня, какая я плохая у вас и какой папа хороший.

Саша опять вздыхает и медленно моргает, и я понимаю, что совсем его не чувствую. да, передо мной сидит мой сын, но между нами стена холода.

Осознаю я это слишком резко и неожиданно, будто кто-то невидимый щелкнул пальцами у виска и прогнал морок.

Я теряюсь, и меня даже дергает назад к спинке стула.

Мой сын, которого я рожала и кормила грудью, но и не мой. Тридцатилетний дядька с тяжелым взглядом, и я сейчас даже Владимира в нем не вижу.

— Что, мам?

Я встаю и медленно отхожу к окну, будто пугаюсь Сашу, который напряженно наблюдает за мной.

Саше тридцать. Он уже мужчина, с которым у меня нет ничего, кроме общей фамилии. Когда я его обнимала?

Когда он меня обнимал?

И когда в последний раз делился со мной о своей жизни?

Сегодня. Вот только что он рассказал про одноглазую собаку, а я перевела тему на себя. Так легко, так ловко, так привычно

— Ты разве любишь собак? — неуверенно спрашиваю я, замирая у окна.

А потом, когда Саша вскидывает бровь, вспоминаю, как няни жаловались мне, что “Сашуля опять лез к бездомным блохастым псам”, “Сашуле не дали поцеловать ротвейлера и он раскричался”, а потом всплывают в памяти восторженный тихий голосок грязного мальчика:

— Вот така шабака, ма, во такая, — руки в стороны, — бойшая... злая-презлая...

Потом моя мама со свекровью его ловили у соседей, к которым он прокрался в желании подружиться с истеричной мелкой чихуашкой. И это недоразумение покусало Сашу, но тот был в диком восторге.

— Уходи, — отворачиваюсь к окну и тяжело дышу. — Я устала.

Стискиваю зубы. Крепко-крепко. Я будто начинаю задыхаться. Хочу сбежать, спрятаться, исчезнуть.

— Меня предупредили, что ты так скажешь, — тихо отзывается Саша.

В голове всплывают все новые и новые воспоминания, в которых Саша дурачится, убегает от меня, обнимет, плачет, смеется. Он становится старше в этом калейдоскопе вспышек, и отдаляется. Его шалости становятся серьезнее, агрессивнее, а в памяти все больше усталости, раздражения и желания сбежать. От детей, от Володи. Не видеть их, потому что... липко, противно, гадко и одиноко.

— Мам.

— Уходи!

Моя семья перестала быть моей. Я потерялась в ней без любви к Володе, но предприняла попытки жить иначе, ведь... Семья это не только любовь к мужчине, но в моем случае с Владимиром я позволила потерять и ниточки, что связывали меня с детьми.

И вместе с моей растерянностью, отвращением к Вове в моих детях росло упрямство и сопротивление. Бесились, нервы мотали, требовали внимания и напоминали о себе уже не лаской и любовью, а гневом и жестокими выходками.

— Мам.

— Уходи! — разворачиваюсь я и реву медведицей. — Видеть тебя не хочу.

Саша встает и кладет на стол бумажную фотографию, пристально глядя на меня:

— Без понятия, что творит твой психиатр, — цыкает, —

но мне все это кажется ерундой.

Приглаживает волосы и выходит из гостевой комнаты. Стою несколько минут. Шагаю к столу медленно в напряженной дрожи, будто фотография — ядовитая змея.

Останавливаюсь перед столом, опускаю взгляд и задерживаю дыхание.

Это фотография из семейного архива. Лето, цветущий сад и вся наша семья в беседке.

Двухлетняя Златка — у меня на руках.

Четырехлетний Саша — на коленях Владимира.

Важный девятилетний Юра гордо стоит между нами. Улыбаемся, в глазах горит любовь и летняя беззаботность.

Мы тут счастливы. Это не те вылизанные фотографии от профессиональных фотографов, которые выдают идеальную картинку и отретушированные лица.

Нас фотографировала моя свекровь.

Я издаю какой-то низкий нечеловеческий клекот, на меня наваливается слабость и я опираюсь рукой о стол.

Я не хочу возвращаться в прошлое. В то прошлое, которое мы потеряли. То, прошлое, которое теперь кажется лишь красивым сном.

— Лара, как вы? — в гостевую комнату заходит моя жестокая истязательница. — Как сын?

— Зачем все это? — хрипло спрашиваю я. — Хватит... Напичкайте меня успокоительными... пусть я буду овощем...

— У меня другие методы, — Юлия Ивановна мягко улыбается. — Красивая фотография, — опускает взгляд на снимок и вновь внимательно смотрит на меня, — вы помните этот день?

— Помню, — цежу сквозь зубы.

— Помните, как держали Злату на руках? — Юлия Ивановна отодвигает стул, садится за стол и кладет на стол смартфон.

— Помню.

Юлия Ивановна касается экрана смартфона, и я слышу заплаканный хриплый голос Златы:

— Думаю, мама... меня не любит.

Глава 27. Метаморфозы души

— О! — восклицаю я на грани яростной истерики. — Я понимаю, к чему все это! У убедить, что я плохая мать? Что мои дети так страдали от моей нелюбви и поэтому выросли такими говнюками и подонками?!

Мне самой не нравится мой истеричный голос.

Мои интонации, в которых много капризной стервозности и злобы.

Но... я не могу остановиться. Я будто бегу по склону вниз, и если сейчас остановлюсь или позволю психиатру меня при- тормозить и осознать признание Златы, то я кубарем полечу в пропасть.

— Вот за что тебе платить мой сын?! За то, чтобы меня рожей тыкали? Чтобы насмехались! Чтобы унижали?!

Юлия сидит и молча смотрит на меня.

— Что ты молчишь?! Ты тоже считаешь меня мразью, да, как и мои детки?

Лучше буду громкой истеричкой, чем впущу в душу при- знание Златы. Лучше буду всех ненавидеть, всех обвинять, во всех видеть врагов, чем загляну внутрь себя.

Я до этого годами не позволяла себя копаться в мыслях, душе и задавать себе многие вопросы, и сейчас не буду.

— Не люблю? Эгоистка! Я своих детей вырастила! — рыв- каю на Юлю. — В жизнь их выпустила и ничего я им не обя-

зана! Она сама принимала решение рожать! Я ей прислала няню, а я имела полное право остаться дома и смотреть мой любимый сериал! Ишь ты, какая она у меня чувствительная выросла!

Юля лезет в карман халата, продолжая на меня бесстрастно смотреть.

— Я опять плохая, а папа у нас — любимое чудо?! Да?! Свет в окошке?! Вот и пусть будут с ним! А я... А что я? Не приехала к дочери? Вот уж трагедия! Внучка не хочет быть со мной? — я уже кричу. — Да пусть на глаза не показывается мне! Только время у меня отнимает! Она мне не нужна!

Я резко замолкаю, будто кто-то, не выдержав моих отвратительных признаний, хватает меня за горло.

Потому что слушать это невозможно.

Может быть, сейчас вмешался мой ангел хранитель, о котором мне рассказывала мама, а, может, это сама мама сейчас не позволяет мне изрыгать из себя ненависть на четырехлетнюю внучку.

Юлия выкладывает рядом с фотографией, что принес Саша, еще одну. Молча и также равнодушно. Я не чувствую в ней ни осуждения, ни поддержки. Она — не судья.

На снимке я.

Юная. Красивая и с темными царапинами на щеке и шее. С царапинами от когтей кота, которого я по дурости полезла спасать из пруда.

Сейчас бы я никуда за котом не полезла. Зачем рисковать

собой?

А тогда... тогда без страха, сомнения и с горящим сердцем кинулась на помощь тонущему существу.

Сколько в моих глазах юного восторга... и сколько света. Исцарапанная я сияю.

— Что бы вы тогдашня, — Юлия касается моей фотографии, — сказали бы себе сейчас?

Я вся аж дергаюсь, будто от пощечины.

Смотрю на себя юную, а затем на фотографию, на которой запечатлены я, Владимир и наши дети, и я вновь мотаю головой.

Ненавидеть — легко, и ненависть — для слабых.

Если я сейчас не позволю той расцарапанной девочке сказать свое слово, то в моей жизни останется только злоба и обида.

Но если я дам этой искре из прошлого вспыхнуть, то... будет больно. Так больно, что я могу не выдержать всего этого.

Может, лучше плевать в лица детей, обвинять их, оскорблять, обижаться, отталкивать... ведь мне уже пятьдесят пять, а у моих детей уже свои семьи...

Уже поздно для меня.

— Хватит, — сиплю я.

Я крепко зажимаюсь.

Я хочу спрятаться. Я хочу, чтобы меня мама обняла, но она умерла. Хочу услышать ее голос и слова о том, что все будет хорошо и что она рядом.

И этого хотела моя дочь в тот вечер, и ее мама была жива. Она позвонила живой матери в слезах и попросила побыть с ней, а живая мать на эту просьбу отправила чужого человека.

Потому что... смотрела сериал с глиняной вонючей маской на лице.

Я помню эти поганые мысли “маску смывать, переодевать-ся, будить водителя или просить Владимира отвезти...”

Я лучше отправлю Злате няню, раз она не справляется с ребенком, а я своих вырастила... Только вот плакала моя дочь не о том, что она устала и не о том, что я должна менять памперсы.

Она плакала о том, о чем плачу я сейчас.

Об одиночестве и о страхе, а мне было лень смывать маску с лица.

— Хватит... — шепчу я и оседаю на пол, прижав кулаки к вискам. — Я не смогу... просто не смогу...

Сердце в груди словно трескается кровавыми трещинами. Я впустила в душу не девочку из прошлого, а маму, которая меня не обнимет и не вздохнёт рядышком.

Я сама вновь стала дочерью, и как дочь я содрогаюсь в ужасе от слов: мама меня не любит.

— Злата... — скулю я в ладони.

Тогда меня поздним вечером ждали, а сейчас уже не ждут и не будут ждать. Никто не будет ждать.

Была мамой, а стала... теткой, которая родила. Сколько нас таких? И сколько из нас осмелилось оглянуться на взрос-

лых детей, на свою жизнь и на принятые решения? Оглянуться через боль, отчаяние, страх?

Дьявола можно вырвать из себя лишь с кровью. С ошметками души, с криками и через агонию, а иначе...

Иначе метаморфоза моей души в нечто черной и склизкое будет завершена.

— Я рядом, Лариса, — руки Юли обнимают меня, и я слышу в ее голосе тихий шепот мамы, — ты не одна.

Глава 28. Подумай о себе

— За хирурга спасибо, — благодарю Сашу, который медленно шагает со мной, пытаясь подстроиться под мою скорость с ходунками, которые я еле передвигаю перед собой.

— Ты мне их за одну ночь организовал.

— Есть свои связи, — бурчит Саша.

Он не особо любит, когда кто-то признает его старания и результаты, однако он действительно каким-то удивительным образом смог в короткие сроки уговорить кардиохирурга с мировым именем и его команду бросить все и прилететь в Россию.

— Только мама не особо рада тому, что я тебе так быстро и скоро организовал хирурга, — хмыкает.

Я пожимаю плечами, а Саша тайком смотрит на меня несколько раз, ожидая другой реакции, а не моего молчания.

Только мне сказать нечего.

— Да, я был у нее около недели назад...

— Мне неинтересно, — аккуратно и медленно сворачиваю налево в коридор, который ведет к выходу во внутренний двор клиники.

Конечно, дети остаются детьми, и сейчас им важно хоть как-то ситуацию склеить, но склеивать нечего.

Я если честно сам удивлен тому, как живо и ярко отреагировал на то, что Лара меня кинула.

Сейчас бы я отнесся иначе.

Не было бы приказа ее притащить в больницу, не было бы никаких угроз и попыток разбудить в ее душе страх за свою шкуру, ведь я так хотел от нее эмоций.

Усмехаюсь.

В тот момент, когда ее притащили босую, лохматую и бледную, то я даже под обезболивающими нафантазировал себе момент, как я прихожу к ней на своих ногах, а она трясется и молит о прощении.

Сейчас я этого не хочу.

Без смерти матери и этой отвратительной драки под камерами, я бы потребовал всю информацию о том, где она, что она, как она, а сейчас... ничего не хочу знать.

— Пап...

Я останавливаюсь и дышу. Физическая боль и слабость еще со мной, и она останется еще надолго. Может, на годы.

— Послушай, — перевожу взгляд на Сашу, — я уже это говорил Злате, то теперь и тебе скажу, — смотрю прямо и спокойно, — жизнь вашей матери меня больше не касается. А моя жизнь больше не касается ее...

— Она, конечно, не должна была бросать тебя...

— Хотите возится с ней, — продолжаю я, — ваше право. Отчитываться передо мной за ваши встречи не надо. Она ваша мать.

— Я приезжаю на могилу бабушки каждый день, — Саша тоже не отводит взгляда. — Я знаю, ты с ней не попрощал-

ся...

— Если такая же положительная динамика сохранится, то я сам побуду на могиле мамы, — киваю, — но с вашей мамой, Саш, я не буду встречаться. Зачем? Чтобы она съехидничала насчет смерти твоей бабушки? И попытается опять убить? — хмыкаю.

— Ну, ты к ней с охраной сходи, — Саша пытается улыбнуться.

— Зачем?

— Простить и отпустить друг друга.

— Что за бред? — вскидываю бровь. — Ты сходил к матери. Ну, легче стало? Простил, отпустил, понял?

Саша хмурится. Не стало ему легче после встречи с Ларой, которая, вероятно, опять выпустила из себя оскорбления и агрессию. Сейчас же она свято уверовала, что она — жертва со всех сторон.

— Я ее прощаю и отпускаю, — поглаживаю небритую щеку. Щетина острая и колется.

Надо привести себя в порядок.

Надо подравнять заросли на лице, постричься.

— Ты сначала ее посреди ночи к себе тащишь, а теперь...

— Теперь не вижу смысла, — вновь смотрю на сына. — Саш, ты уже не мальчик, который будет хныкать из-за развода родителей и тебе не надо выбирать, с кем жить. Не надо слушать чухню о том, что мама и папа тебя все также любят, но они решили не быть вместе.

— Да лучше бы я тогда похныкал, чем сейчас видеть тебя с ходунками, а маму навещать в психушке, — мрачно отвечает Саша. — Вы живая иллюстрация того, что брак прекрасен лишь первые десять-пятнадцать лет, — замолкает, массирует переносицу и поднимает на меня взгляд. — Здорово, что ты передумал кошмарить маму, но думаю ты должен сам принести документы на развод.

— Зачем?

— Затем, что ты сам сделал ей однажды предложение, — Саша всматривается в мои глаза, — сам однажды поставил подпись на заявлении о регистрации брака. Не твои юристы, а ты сам, — подается в мою сторону и переходит на шепот, — и как бабушка говорила однажды нашему соседу, у которого я пытался в детстве собаку украсть... вместе женились, то вместе и разводитесь. Это не мои слова, а бабушки.

Похлопывает меня по плечу и шагает прочь, и из-за угла ко мне выходит Зоя со свитером который накидывает мне на плечи:

— Тебе сейчас надо о себе подумать, Вов. Все эти лишние встречи... не пойдут на пользу.

Глава 29. Терпела

— Если говорить о дееспособности Ларисы, — Юлия Ивановна не спускает с меня цепкого и внимательного взгляда, — то... она дееспособна. Нервный срыв.

Я не хочу находиться здесь, но зачем-то пришел после того, как навестил могилу матери с ее любимыми белыми флоксами.

Постоял, помолчал под тяжелыми тучами и похромал обратно среди могил к воротам, за которыми меня ждала машина с напряженным и тихим водителем. С его помощью забрался в салон и заявил, что заедем и к Ларисе.

Зачем?

Сию перед ее психиатром и недоумеваю.

— Нервный срыв и депрессия.

Я хмыкаю, а Юлия Ивановна вскидывает бровь.

— Я сказала что-то смешное?

— Какая к черту депрессия? — отвечаю я и до боли в суставах сжимаю набалдашник трости, которая заменила мне позорные ходунки.

— Затяжная депрессия последний год, которая вышла реактивную стадию после вашего разговора о любовнице и разводе, — я не могу уловить в голосе Юлии Ивановны никаких эмоциональных интонаций.

Ни одобрения, ни осуждения. В голосе нет ничего.

— И это не психоз, — она качает головой. — Психоз подразумевает галлюцинации, а их у вашей жены их не было.

— Депрессия? Сейчас у женщин модно впасть в депрессию, — усмехаюсь я. — И депрессиями мы оправдаем все, что угодно.

Бедная и несчастная Ларочка. Как обычно, все кругом виноваты, но не она. Теперь вот можно прикрыться депрессией.

— Ваша жена проходит медикаментозное лечение не из-за прихоти или капризов, — Юлия Ивановна пожимает плечами.

— То есть таблетки она глотает, но вы продолжаете говорить о ее дееспособности?

— Депрессия — это не потеря дееспособности.

Воцаряется молчание, которое я нарушаю насмешливыми словами:

— А депрессия у Лары, потому что я такой нехороший довел ее, милую и очаровательную женщину?

— Она годами ложилась в постель с тем, кого она не любила, — Юлия Ивановна продолжает говорить тихим и ровным голосом, — с тем, к кому она испытывала отвращение.

Я приподнимаю бровь. Не любила? Очень любопытное заявление, потому что Лара так часто говорила о своей любви ко мне, что это иногда даже раздражало.

— Я люблю тебя, — когда провожала меня из дома.

— Я люблю тебя, — когда встречала.

— Я люблю тебя, — когда выключали свет в спальне.

— Люблю тебя, — когда она убегала по своим тупым женским делам.

О своей любви она заливала и нашим детям на семейных праздниках, и все ее тосты всегда были о любви и семейном счастье.

Она, что, так себя убеждала? Уговаривала?

— Годами она терпела вас, Владимир, за деньги, — Юлия Ивановна все так же смотрит на меня без эмоций. — Это ее слова. Она не любила вас, но любила ваши деньги. Ваш статус. Ваш круг общения. Она любила то уважение, которое было к вашей семье. Она была годами вашей узаконенной проституткой.

Я поднимаю бровь выше.

Интересно, а сама Лара согласна со словами ее чудаковатой и жутковатой психиатрши, которая позволяет себе говорить слишком откровенные вещи о нашем браке.

— Это вас возмущает? — спрашивает она.

— Что именно?

Она прищуривается, будто пытается угадать мои мысли, но, если честно, я особо ничего не скрываю.

Если бы я сейчас был разъярен словами Юлии Ивановны, то прямо сказал бы ей, что она зарывается и что ей стоит заткнуться, но... сердце бьется тихо и ровно, а из эмоций у меня только слабое удивление.

— Вас не возмущает, что ваша жена лишь играла роль лю-

блящей жены ради денег? — Юлия Ивановна немного клонит голову набок.

— Ваш вопрос имел бы смысл, если бы я был вашим пациентом, Юля, — я тоже не отвожу взгляда. — Но ваш пациент — Лара с ее тараканами.

— Верно, — соглашается Юлия Ивановна. — Вернемся к Ларе, — кивает. — Для такой чувствительной женщины, как Лара, годы нелюбви и неприятия мужчины рядом... может даже физические проявиться в серьезные болячки.

Мне все же удастся заметить в глазах Юли нетерпеливую искру любопытства. Ей хочется залезть и ко мне в голову, чтобы препарировать нашу семью на мелкие кусочки, но профессиональная этика не позволяет этого.

Я не ее пациент, и она не имеет никакого права задавать мне личные вопросы, но ведь она эти же вопросы задает Ларе, которая делится тем, что лучше замалчивать перед чужим человеком.

А Лара не замалчивает. Лара сливает интимные подробности нашей жизни и ноет, как она страдала, когда раздвигала ноги.

И интересно, она, страдальца такая, поделилась с психиатром, что она сама часто проявляла инициативу, чтобы я, весь такой злобный злодей, “насиловал” ее. Это тоже из разряда “отмучится поскорее и не ждать со страхом и отвращением приставаний мужа”?

Типа сама пристану, выдою, скажу “люблю тебя” и быст-

ренько либо спать, либо на ноготочки?

Или же это был очередной самообман: если мужик с пустыми бубенцами, то все в порядке? Статус замужней тетки в безопасности?

Медленно выдыхаю. И ведь была права.

Сжимаю набалдашник трости крепче и стискиваю зубы.
Новый вдох. Медленный и глубокий.

Это все в прошлом, и мне от этой женщины ничего не надо. Ни ее фальши, ни ее лживых проявлений ласки, ни пустых слов о любви.

Мне нужен развод. Мне нужна ее подпись. И та подпись, которую потом в суде не оспорить по причине того, что она была невменяема и больна.

— Я здесь по вопросу нашего развода, — смотрю на Юлию Ивановну исподлобья. — Мне придется через суд запрашивать о дееспособности Лары? Или вы сейчас предоставите мне заключение о ее состоянии?

— Могу и сейчас, — Юлия Ивановна кивает. — Могу составить заключение и сразу направить его вашим адвокатам.

Киваю. Опираясь на трость, я тяжело встаю со стула и медленно распрямляю плечи. Юлия Ивановна поднимает взгляд и продолжает улыбаться отстраненно и спокойно.

— Если она не валяется овощем под успокоительными, — говорю я, — я должен ее увидеть.

Глава 30. Я их боль

Мама меня не любит.

Мне бы хотелось возразить этим словам, кричать, что Злата не права и ошибается, но... я действительно невероятно далека от нее.

Во мне никогда не было материнской гордости за ее достижения. Я, конечно, ходила на все ее выступления в школьном театре, но по большей части лишь терпела эти глупые и наивные постановки, в которых моя дочь слишком переигрывала и мне было сложно сделать красивое фото для семейного архива.

Владимир же был всегда в восторге от тупости сказочных сценариев, что меня раздражало до скрежета зубов. Особенно эти обсуждения со Златой незамысловатого сюжета и роли персонажа нашей дочери в истории.

Это же неинтересно, и я бы предпочла ехать домой в тишине, а не в громкой и взволнованной болтовне, в которой я была вынуждена участвовать.

Я говорила ей, что она большая молодец, когда приносила пятерки, но я совершенно не вникала в ее рассказы, в чем именно она отличилась. Я кивала, охала, обнимала и в награду целовала, но яркой радости за хорошие оценки у меня не было.

У наших нянь и водителя было больше гордости за Злату,

чем у меня.

Но... зато когда Злата, Юра или Саша шкодили в школе, я испытывала яркое и горячее возмущение и злость.

Позорят.

Заставляют краснеть.

Мне приходится выслушивать претензии директора, ту-
пых учителей и крики других родителей, а Вова не поддер-
живал мой гнев и говорил, что мне надо успокоиться, ведь
он все решит со школой и с детьми переговорит.

И чем сильнее злилась, тем злее становились выходки мо-
их “ангелочков”.

Когда все это началось?

Когда я перестала нуждаться в их объятиях и поцелуях в
щеку?

Я могу лишь вспомнить то разочарование, когда семилет-
няя Златка начала капризничать перед сном и заявила, что
пусть папа придет почитает ей сказку на ночь, а с Вовой я
уже начала чувствовать себя неудобно.

Да, после того вечера со сказками, мое внимание начало
выхватывать из нашей жизни все больше и больше момен-
тов, когда дети тянулись не ко мне, а к Володе, на которого
с каждым днем мне было сложнее и сложнее смотреть.

Я отдалялась от мужа, а мои дети будто назло наоборот
начали выбирать именно его, а не меня. Они не отдалялись,
папа их не раздражал своим смехом и шутками, папа был
классный и интересный.

Но не для меня.

Всему виной моя материнская ревность к Вове, с которым я связала жизнь, возможно, из-за желаний вырваться из нищеты и из-за страха навсегда застрять в грязной унылой коммуналке?

Это все так отвратительно, а таблетки не дают мне нырнуть в разрушительные эмоции и забыться в криках, ярости, обиде и ненависти, поэтому мой мозг сейчас рационально холоден и спрашивает:

— А была ли вообще любовь к Вове?

Или это был лишь юный восторг бедной девочки, на которую обратил внимание красивый, статный и непростительно богатый мальчик? Самый настоящий принц из сказок, которые я так любила.

Любила и мечтала, что кто-то спасет меня из бедности с дырявыми колготками, старыми многолетним трусиками и сапогами, которые мне отдала соседка по коммуналке тетя Катя.

И вот в руках беснуется бешеный кот, и на него решительно накидывает модный пиджачок энергичный красавчик, в котором я сразу почувствовала ту уверенность, которая бывает только у обеспеченных людей.

— Ты вся в крови, — говорит этот красавчик и тащит меня к хищному черному спорткару, — вот же дура. Нахрена тебе этот кот?

А я молчу и глаз не могу отвести от принца, чью вихра-

стую голову подсвечивают лучи солнца, что пробивается через кроны тополей.

Даже кот успокаивается под пиджаком, от которого веет чем-то пряным и терпким.

Я влюбилась в образ принца, который должен был меня спасти.

И он меня спас, но хватило моего восторга, моего девичьего удивления, влюбленности и восхищения на пятнадцать лет брака.

Затем я больше я не видела принца.

Вова, наконец, по прошествию пятнадцати лет стал для меня мужем и просто человеком, который из-за привычки потерял свой ореол “спасателя”, а влюбилась-то я именно в эту роль.

Рядом со мной оказался не принц, а мужик со своими проблемами, сложными сделками, усталостью и разговорами, которые мне были неинтересны.

Сначала разговоры потеряли ценность, а потом я начала и его прикосновения терпеть. После уже и запах его тела начал отдавать чем-то неприятным.

И затем я начала обращать внимание на то, что наши дети слишком любят папочку. Как же меня злили эти крики:

— Папа приехал!

Закрываю глаза, подставляя лицо под лучи солнца.

Наши чувства друг к другу угасли одновременно, ведь я тоже для Вовы потеряла ту роль, которая его впечатлила.

Роль смелой доброй девочки, которую так хочется обнять и защитить от жестокого и несправедливого мира. Видимо, в тот момент, когда я меркантильно и трезво выбрала в Вове деньги и его статус без розовых очков юности, он это учуял и начал сам терять ко мне тепло и уважение.

Долбанные таблетки.

Я даже поплакать не могу.

Не могу разозлиться, не могу нырнуть в ужас и отчаяние.

Мне остается только перебирать мою жизнь, как дешевую грязную гречку с рынка в поиске ценности моих прожитых лет в нелюбви.

И я понимаю, что мне уже ничего не исправить. Не стать той близкой и теплой мамой, под крылышко которой так хочется вернуться.

Я могу попросить прощение. Могу осознать, что потеряла годы детской любви. Могу принять горечь моих детей и признать ее, но... той мамой, в которой есть всегда нужда, мне не быть и не стать.

Мои дети не нуждаются во мне.

Им больно на меня смотреть, больно думать о прошлом, больно говорить обо мне, но никто из них больше не позвонит и не попросит срочно приехать.

Возможно, позвонят узнать, как я и что я, но на помощь не позовут. Не позовут побыть рядом.

Я — их боль, обида, растерянность, но не любовь и уверенность, что я всегда буду рядом.

А еще я теперь их ответственность и долг.

У меня нет вопроса, как все исправить, потому что это невозможно.

У меня теперь стоит вопрос, как мне теперь жить без ледяного панциря отстраненности, раздражения, высокомерия и веры в свою непогрешимость?

Как?

Я хочу быть обратно обманутой и всеми преданной женщиной, потому что эта роль понятна и проста. Она оправдывает и жестокость, и плевки в лицо, и крики о предателях и истерики, что меня никто не любит и не уважает. Что кругом одни звери и мрази.

Эта роль возвышает.

А женщина с пустым взглядом, вялым сердцем в груди и недоумением в голове вызывает лишь брезгливую жалость.

Вот и жить мне теперь с этой брезгливой жалостью.

А все могло быть иначе.

Если бы в моей груди вспыхнуло милосердие на обочине дороги, когда я схватила таблетки Вовы, то это повело бы нашу историю к другому итогу. К итогу с живыми душами и надеждой.

Сейчас надежды нет.

Есть только принятие прошлого, в котором я вижу девочку с котом и прекрасного принца на черном хищном спорткаре.

Как же меня тогда удивил кожаный салон с красной стиль-

ной подсветкой.

— Лариса, — ко мне наклоняется одна из медсестер и закрывает собой теплое солнце, — к вам посетитель.

— Кто? — размыкаю веки и удивляюсь небесно-голубой радужке глаз немолодой медсестры.

— Ваш муж. Вы согласны на эту встречу?

Глава 31. Он здесь

Хочу ли я на встречу с тем, кого бросила умирать?

Кому отчаянно желала смерти? С тем, кому кричала о смерти его матери и буквально глумилась над тем, что он не попрашивается с ней?

Нет, не хочу.

Дело не в страхе перед Владимиром.

Я не хочу смотреть в его глаза, потому что в этих же глазах я видела его смерть и радовалась ей.

Насмехалась над ужасом умирающего человека.

Отголоски этой радости все еще во мне, и противно.

Липко. Холодно. И тошнит.

А еще я помню глаза свекрови в тот момент, когда она начала заваливаться назад. Удивление, боль, страх, а после я смеюсь.

Я смотрю перед собой и не моргаю. Я будто вновь слышу хриплые вдохи Владимира и его мамы.

Это все останется со мной. Во мне. Это и есть я.

Во мне бурлил гнев, а теперь после ярости и ненависти остался лишь гной в душе. Мои легкие и сердце сочатся им, отравляют и поднимаются волной тошноты к глотке.

Нет, не хочу видеть Владимира.

Он посмотрит на меня, усмехнется, а я вспомню его маму, с которой дружила моя мама.

Не хочу видеть в глазах опять то разочарование, которое вспыхнуло в его зрачках при приступе в том момент, когда я выкинула таблетки.

Он ждал, что я помогу ему.

Ждал и верил, что во мне есть милосердие, в которое он однажды влюбился.

— Лариса, — повторяет Медсестра и опять удивленно смотрю в ее красивые голубые глаза. — Вы меня слышали? Зачем нам эта встреча?

У него есть надежда. У него есть любимая женщина, и она ждет ребенка, которому я тоже желала смерти.

Я помню это желание пнуть Зою в живот за ее пощечину, и я бы тогда пнула, будь у меня возможность.

А еще я не хочу этой встречи, потому что не желаю, чтобы и он смотрел в мои глаза и видел в них скорбь по моей жизни, по моей молодости и по тому, что мы так и не пришли с ним к любви, о которой я так много говорила, но не знала, что это такое.

Радость от влюбленности знала.

Удовольствие от сытой жизни знала.

Восторг от подарков знала.

Волнение от свиданий с ним знала, но не любовь.

Ту глубокую любовь, которая созревает через годы жизни. Ту любовь, которая связывает сердца и души крепкой нитью. Ту любовь, которая становится твоим естеством, твоим нутром, твоим дыханием и твоей уверенностью в мире.

У нас ее не было.

Ярко влюбились, но важной метаморфозы наших душ не прожили. Наша любовь не созрела, и вот результат:

Я сижу на лавочке во внутреннем дворике психиатрической больницы и принимаю солнечные ванны в ожидании полдника.

— К вам пришел ваш муж, Лариса.

Все еще муж.

И пришел. Значит, не на инвалидном кресле привезли. Упрямый, и не хочет просто так упускать свою возможность воссоединиться с любимой беременной женщиной.

Или это будет наша последняя встреча, чтобы окончательно разойтись в разные стороны и больше не вспоминать друг друга, как страшный сон длиною в двадцать лет?

И особенно страшный был этот последний год.

Ни прикосновений, ни откровенных разговоров, ни поцелуев. Только мое острое желание съехать из этого дома, в котором больше не было счастья и любви.

Только не дом был виноват.

Радости не было во мне, но я яростно это отрицала.

Последний наш год стал для меня приговором, а для Владимира ознаменовался надеждой и новой любовью.

Ну, что же. Пусть попросится со мной. Усмехнется на прощание, и я его ухмылку сохраню в памяти вместе с его взглядом смерти.

Я встаю, поправляю на плечах кардиган, который мне

в больницу передала Злата, и плетусь по узкой дорожке к крыльцу. Под ногами шуршит белая галька.

Замираю, когда за стеклом входной двери внутреннего крыльца вижу знакомую фигуру.

Похоже, Владимир решил не ждать, когда я все же решусь подняться в гостевую комнату для встреч под надзором молчаливых санитаров.

Он никогда не любил ждать.

Ожидание его раздражает. Лучше пойти в наступление, рискнуть, рвануть, чем ждать, будто нет власти над этой глупой жизнью.

Я не могу пошевелиться, когда наши взгляды встречаются через прозрачное стекло двери, которую сегодня утром усердно намывала милая улыбчивая уборщица.

Мой муж Владимир, которого я кинула со смехом на обочине дороги умирать, здесь.

Он здесь.

И в его черных угольных глазах я больше не вижу смерть или боль.

Я вижу отрешенность, от которой у меня озноб пробегает по задней стороне шеи.

— Вы в порядке? — ко мне подплывает медсестра и заглядывает в лицо. — Я могу побыть с вами или позвать Юлию Ивановну?

Глава 32. Здравствуй, Лара

Дверь медленно открывается, а я не могу пошевелиться, будто ко мне в гости заявился не Владимир, а сам дьявол из Преисподней с моим личным приговором.

Он для меня действительно сейчас не изменщик-муж, а тот, кто вернулся с того света, а смерть, пусть и кратковременная, все же меняет человека, и мне страшно, потому что через глаза Владимира будут смотреть моя мама, свекровь и другие призраки из прош

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.